

Сью Таунсенд

Адриан Моул

и оружие

Массового
Поражения

the BEST of PHANTOM

Сью Таунсенд
Адриан Моул и оружие массового поражения
Серия «Адриан Моул», книга 6

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169373
Адриан Моул и оружие массового поражения: Фантом Пресс; 2006
ISBN 5-86471-403-8

Аннотация

Адриан Моул возвращается! Фаны знаменитого недотепы по всему миру ликуют – Сью Таунсенд решила-таки написать еще одну книгу "Дневников Адриана Моула".

Адриану уже 34, он вполне взрослый и солидный человек, отец двух детей и владелец пентхауса в модном районе на берегу канала. Но жизнь его по-прежнему полна невыносимых мук. Новенький пентхаус не радует, поскольку в карманах Адриана зияет огромная брешь, пробитая кредитом. За дверью квартиры подкарауливает семейство лебедей с явным намерением откусить Адриану руку. А по городу рыскает кошмарное создание по имени Маргаритка с одной-единственной целью – надеть на палец Адриана обручальное кольцо. Не радует Адриана и общественная жизнь. Его кумир Тони Блэр на пару с приятелем Бушем развязал войну в Ираке, а Адриан так хотел понежиться на ласковом ближневосточном солнышке. Адриан и в новой книге – все тот же романтик, тоскующий по лучшему, совершенному миру, а Сью Таунсенд остается самым душевным и ироничным писателем в современной английской литературе. Можно с абсолютной уверенностью говорить, что Адриан Моул – самый успешный комический герой последней четверти века, и что самое поразительное – свой пьедестал он не собирается никому уступать.

Содержание

2002 год	4
October	4
November	29
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сью Таунсенд Адриан Моул и оружие массового поражения

*Эта книга посвящается памяти
Джона Джемса Алана Балла,
Морин Памелы Бродуэй
и Джэйлса Гордона*

*А также замечательным девочкам
Финли Таунсенд,
Иссабель Картер,
Джессике Стаффорд
и Мейле Таунсенд
со всей моей любовью*

*Хочу поблагодарить моего мужа
Колина Бродуэя
за любовь, терпение и практическую помощь,
которую он оказывал мне во время работы над этой книгой.*

2002 год

October

*Лично и строго секретно
Достопочтенному Тони Блэру,
члену парламента,
королевскому адвокату
Даунинг-стрит, 10,
Уайтхолл
Лондон SW1A
Лестершир*

*Глициниевая аллея
Эшби-де-ла-Зух*

29 сентября 2002 г.

Достопочтенный мистер Блэр!

Возможно, Вы меня помните – мы встречались в 1999 году на приеме в палате общин, где чествовали тружеников норвежской кожевенной промышленности. Нас познакомила Пандора Брейтуэйт, ныне помощник министра по вопросам возрождения Браунфилда, и у нас с Вами состоялась краткая беседа о Би-би-си, в ходе которой я высказал мнение, что данная корпорация ведет себя по отношению к провинциальным драматургам

просто возмутительно. К сожалению, договорить мы не успели, Вас вызвали на другой конец зала по какому-то спешному делу.

Пишу, чтобы поблагодарить за предупреждение о неминуемой угрозе острову Кипр со стороны Саддама Хусейна, который обзавелся оружием массового поражения.

На первую неделю ноября я забронировал номер в гостинице «Афина» в кипрском Пафосе для себя и моего старшего сына, общей стоимостью 571 фунт, и это, прошу заметить, без учета аэропортовых сборов. Мой личный тур-консультант Джонни Бонд из компании «Закат Лимитед» потребовал залог в размере 57,10 фунта, каковой я и выплатил ему 23 сентября сего года. Вообразите, мистер Блэр, мою тревогу, когда на следующий день я включил телевизор и услышал Вашу речь в палате общин о том, что Хусейн со своим оружием массового поражения способен за каких-нибудь сорок пять минут стереть Кипр с лица земли!

Я немедленно позвонил Джонни Бонду и отменил бронь. (Ведь валяясь на пляже, я рискую пропустить предупреждение Министерства иностранных дел об эвакуации, на которую отводится всего-навсего 45 минут.)

Но беда в том, мистер Блэр, что «Закат Лимитед» отказывается вернуть мне залог, если я не представлю им справку о том, что

- а) Саддам Хусейн располагает запасом оружия массового поражения;*
- б) Саддам Хусейн может развернуть его в течение сорока пяти минут*

и

- в) это оружие способно поразить остров Кипр.*

Этот Джонни Бонд, который, как сообщили его коллеги, вчера «отсутствовал на рабочем месте» (подозреваю, что он участвовал в марше «Остановить войну»), посмел усомниться в правдивости Ваших слов, произнесенных в палате общин!

Не могли бы Вы прислать собственноручную записку с подтверждением существующей угрозы Кипру, дабы я передал ее Джонни Бонду и вернул залог в сумме 57,10 фунта? Я не могу позволить себе разбрасываться такими деньгами.

*Остаюсь искренне Ваш, сэр,
Адриан Моул.*

P. S. И вот еще, спросите, пожалуйста, у Вашей супруги Шери, не согласится ли она выступить на литературном обеде группы художественного письма Лестершира и Ратленда 23 декабря сего года. Уилл Селф,¹ по правде говоря, отказал нам наотрез. Мы не выплачиваем гонорар и не компенсируем расходы, но уверен, общение с нашей группой покажется Вашей супруге очень живым и стимулирующим.

А Вам, мистер Блэр, желаю – так держать!

---

¹ Английский писатель и журналист, имеет репутацию мрачного и эпатажного остроумца. – Здесь и далее прим. перев.

Суббота, 5 октября 2002 г.

Сегодня осматривал чердачную квартиру на старом аккумуляторном заводе в районе Крысиной верфи. Риелтор Марк У'Блюдок сказал, что жилье, расположенное вдоль канала, буквально расхватывается людьми, наживающимися на сдаче внаем. Место отличное – от книжного магазина, где я работаю, пять минут ходу по дорожке вдоль канала. На чердаке имеется одна огромная комната и санузел со стенами из стеклоблоков.

Когда Марк У'Блюдок удалился отлить, его расплывчатый силуэт непристойно просвечивал сквозь стекло. Если куплю эту квартиру, то первым делом попрошу маму сшить занавески.

Я вышел на балкон, сооруженный из стальных арматурин и проволочной сетки, чтобы оценить окрестные виды. Внизу простирался канал, сверкая в лучах осеннего солнца. Мимо проскользнула стая лебедей, затем прохлопала крыльями серая птица, а потом из-под моста выскочила лодка. Когда судно поравнялось с балконом, бородач с седым неопрятным хвостиком на затылке помахал рукой и крикнул:

– Чудный денек, а!

На дне лодки копошилась его жена – похоже, мыла посуду. Она меня видела, но рукой не помахала.

Марк У'Блюдок тактично не мешал мне пропитываться атмосферой места. Но вскоре не утерпел и указал на пару аутентичных мелочей: подлинные пятна от кислоты на половицах и крючья, на которых во время войны висели шторы затемнения.

Я поинтересовался, что происходит с соседним зданием, которое стоит в лесах.

– По-моему, перестраивают под гостиницу, – ответил он.

А затем принялся рассказывать, что Эрик Шифт, мультимиллионер, сколотивший состояние на металлоломе, и собственник моего будущего обиталища, скупил всю Крысиновую верфь в надежде превратить ее в лестерский аналог парижского Левого берега.

Я признался Марку, что всегда хотел побаловаться акварелью.

Тот кивнул: «Прекрасно», но у меня сложилось впечатление, что он понятия не имеет, о чем это я.

С тоской оглядев пустое пространство и абсолютно белые стены, Марк сказал:

– Вот в таком месте я хотел бы жить, но у меня трое малолеток и жена, помешанная на огороде.

Я ему посочувствовал и рассказал, что до недавнего времени полный рабочий день трудился родителем двух мальчиков, но теперь о семнадцатилетнем Гленне заботятся Британские вооруженные силы, а девятилетний Уильям уехал к матери в Нигерию.

У'Блюдок завистливо глянул на меня:

– Такой молодой, а уже сбагрил двух оглоедов.

Я возразил на это, что в мои тридцать четыре с половиной года пора наконец заняться самим собой.

После того как У'Блюдок продемонстрировал разделочный стол и дощечку для резки сыра из цельного гранита, я согласился приобрести квартиру.

Перед уходом я еще раз вышел на балкон, чтобы бросить последний взгляд на пейзаж. Солнце медленно сползло за многоэтажную автостоянку. По дорожке на противоположной стороне канала трусила лиса с пакетом из магазина «Теско» в зубах. Коричневое млекопитающее (вероятно, водяная крыса) соскользнуло в воду и растворилось в золотистой дали. Прямо передо мной величественно колыхались лебеди. Самый большой лебедь посмотрел мне прямо в глаза, словно говоря: «Добро пожаловать в новый дом, Адриан».

10 вечера

Приглушил радио на кухне и сообщил родителям, что при первой же возможности освобожу гостевую комнату и переберусь в живописный лофт на старой аккумуляторной фабрике у Крысиной верфи в Лестере.

Мама не сумела скрыть восторга, услышав новость.

Отец хмыкнул:

– Старая аккумуляторная фабрика? Твой дед там когда-то работал, но ему пришлось уволиться, когда его покусала крыса и началось заражение крови. Мы думали, ему ногу отчкрыжат.

А мама добавила:

– Крысиная верфь? Это не там собираются открыть ночлежку?

– Тебя неправильно информировали, – сказал я. – Вся эта территория преобразуется в лестерский культурный центр.

Когда я спросил у мамы, не сошьет ли она занавески для моего нового туалета из стеклоблоков, она саркастически ответила:

– Извини, но, похоже, ты меня с кем-то путаешь. Когда это у меня в доме водились нитка с иголкой?

Ровно в семь отец увеличил громкость и мы послушали новости. Британских военачальников волновал вопрос, какова будет их роль, если Британия вступит в войну с Ираком. Биржевые индексы опять упали.

Отец со стуком уронил голову на стол и простонал:

– Убью этого мерзавца из банка, который уговорил меня вложить пенсию в фонд «Вечная молодость».

Когда зазвучала тема «Арчеров»,² родители разом потянулись к сигаретам, закурили и, приоткрыв рты, принялись внимать этой сельскохозяйственной мыльной опере. Они теперь все делают вместе, в который раз пытаюсь спасти свой брак.

Мама и папа – пожилые осколки демографического взрыва, соответственно пятидесяти девяти и шестидесяти двух лет от роду. Я все жду, когда они наконец признают свой возраст и оденутся, как подобает приличным старикам. Сплю и вижу их в бежевых полупальто, кримпленовых брюках и – маму, разумеется, – с седым перманентом, похожим на цветную капусту. Но они упорно продолжают втискиваться в линялые джинсы и черные кожаные косухи.

Папа так и вовсе считает, что длинные седые патлы придают ему вид человека, вхожего в шоу-бизнес. Бедняга себя обманывает. По нему сразу видно, кто он такой – торговец обогревателями на пенсии.

Теперь он постоянно носит бейсболку, поскольку его макушка лишилась большей части волосяного покрова и обнажился результат юношеской глупости: на предсвадебном мальчишнике после десяти пинт портера папа согласился, чтобы ему обрили голову и вытатуировали на черепушке зелеными чернилами «Я СБРЕНДИЛ».

Мальчишник состоялся за неделю до свадьбы, и потому на единственной свадебной фотокарточке отец похож на беглого каторжника Абея Мэгвича из диккенсовских «Больших надежд».

Все прочие татушки папа удалил за счет Национальной службы здравоохранения, но выведение зеленых чернил они оплачивать не стали. Посоветовали обратиться в частную клинику, где наколки выводят лазером – за тысячу с лишним фунтов. Мама уговаривает его взять кредит в банке на это дело, но отец упирается: мол, проще и дешевле носить бейсболку.

---

² Самый старый радиосериал на Би-би-си о жизни деревенского семейства.

Мама же говорит, что ей осточертело читать «Я СБРЕНДИЛ» всякий раз, когда отец поворачивается в постели к ней спиной, то есть, судя по всему, каждую ночь.

11 вечера

Принял ванну, воспользовавшись маминым айвово-абрикосовым ароматерапевтическим маслом. Масляные блямбы плавали на поверхности воды – ни дать ни взять нефтяная пленка, что умертвила большую часть фауны и флоры Новой Шотландии. Потом полчаса смывал под душем эту гадость.

С помощью двух зеркал изучил плешь. Теперь она размером с мятный леденец «Требор».

Проверил электронную почту. Пришло письмо от моей сестры Розы: она раздумывает, не бросить ли университет в Халле – разочаровалась в нанобиологии. Пишет, что Саймона, ее парня, нельзя оставлять одного ни на минуту, иначе ему никогда не избавиться от пристрастия к крэку. Просит ничего не говорить родителям, поскольку у них абсолютно старорежимное отношение к наркозависимым.

Остальное – обычный спам от фирм, предлагающих удлинить мой пенис.

Воскресенье, 6 октября

Новолуние.

Мама устроила уборку – с утра драит полы, не вылезая из домашнего халата. В три часа пополудни я спросил, не собирается ли она причесаться и одеться.

– А зачем? – удивилась мама. – Твой отец не обратит внимания, даже если я буду разгуливать голышом и с розой в зубах.

Отец же весь день не отрывался от древней стереовертушки, слушая одну за другой пластинки Роя Орбисона.

Их брак явно сдох. Живут как в фильме Бергмана. А не сказать ли им, что их драгоценная дочь вряд ли получит Нобелевскую премию, поскольку променяла биологические исследования на реабилитацию наркоманов? Это их немного взбодрит, и в придачу найдется о чем поговорить друг с другом. Ха-ха-ха.

Вторую половину дня провел за письмами. Когда выходил из дома, чтобы прогуляться до почтового ящика, мама заметила:

– Ты единственный, кого я знаю, кто еще пользуется обычной почтой.

А я ответил:

– А ты единственная, кого я знаю, кто еще уверен, что курение полезно для легких.

Тогда она поинтересовалась:

– Кому ты пишешь?

Я не хотел говорить, что письма адресованы Джордан³ и Дэвиду Бекхэму, поэтому поспешил на улицу, пока мама не подглядела имена и адреса на конвертах.

*Джордан
Через «Дейли стар»
Лоуэр-Теймс-стрит, 10
Лондон EC3*

*Глициниевая аллея
Эшби-де-ла-Зух*

---

³ Модель, снимающаяся для таблоидов обнаженной.

Лестершир

6 октября 2002 г.

Уважаемая Джордан,

Я пишу книгу о славе и о ее губительном воздействии на людские судьбы. Эта тема знакома мне не понаслышке. В девяностые я был знаменитостью, вел собственную передачу на кабельном телевидении под названием «Потрохенно хорошо!». Но затем меня сбросили с конвейера славы, как сбросят когда-нибудь и Вас.

Я хотел бы договориться с Вами об интервью на любой день, какой устроит нас обоих. Вам придется приехать в Лестер, поскольку я занят на работе с утра до вечера. Лучшее всего в воскресенье во второй половине дня.

Кстати, мы с отцом недавно беседовали о Вашем бюсте. И пришли к единому мнению, что выглядит он угрожающе. Отец сказал, что если провалиться в ложбинку между Вашими грудями, то тебя там и за неделю не отыщут.

Мой друг Парвез назвал Ваш бюст «оружием массового поражения», а мой хиропрактик предсказал, что в будущем у Вас возникнут проблемы с поясницей из-за веса, который Вы носите на грудной клетке.

Ходят слухи, что Вы намерены поставить новые имплантаты, еще больше прежних. Умоляю, не делайте этого.

Просьба связываться со мной по вышеуказанному адресу. Боюсь, я не могу предложить Вам гонорар или оплатить расходы, но, разумеется, Вы получите бесплатно экземпляр моей книги (рабочее название «Слава и безумие»).

Остаюсь, мадам,

Вашим самым преданным и покорным слугой,

А. А Моул.

Дэвиду Бекхэму

Футбольный клуб

«Манчестер Юнайтед»

Оулд-Траффорд Манчестер, М16

Глициниевая аллея

Эшби-де-ла-Зух

Лестершир

6 октября 2002 г.

Уважаемый Дэвид,

Пожалуйста, прочтите это письмо, оно не отнимет у вас много времени. Я не пустоголовый футбольный фанат, жаждущий заполучить Ваше фото с автографом.

Я пишу книгу о славе и о ее губительном воздействии на людские судьбы. Эта тема знакома мне не понаслышке. В девяностые я был знаменитостью, вел собственную передачу на кабельном телевидении под

названием «Потрохенно хорошо!»). По затем меня сбросили с конвейера славы, как сбросят когда-нибудь и Вас.

Я хотел бы договориться с Вами об интервью на любой день, какой устроит нас обоих. Вам придется приехать в Лестер, поскольку я занят на работе с утра до вечера. Лучшие всего в воскресенье во второй половине дня.

И еще – только не обижайтесь, – видимо, в начальной школе вместо уроков английского Вы усиленно тренировались, и в результате Вы не владеете даже элементарными навыками устной речи. Например, вчера вечером Вы сказали: «Увидал Викторию по видюшнику, когда она еще пела в «Спайсах», и меня типа долбануло: во та деваха, с которой я поженюсь».

А надо бы так: «Увидел Викторию на видео, когда она еще пела в «Спайс Герлз», и меня осенило: вот та девушка, НА которой я женюсь».

Просьба связываться со мной по вышеуказанному адресу. Боюсь, я не могу предложить Вам гонорар или оплатить расходы, но, разумеется, Вы получите бесплатно экземпляр моей книги (рабочее название «Слава и безумие»).

Остаюсь, сэ,

Вашим самым преданным и покорным слугой,

А. А... Моул.

Понедельник, 7 октября

По дороге на работу позвонил своему адвокату Дэвиду Барвеллу. Ответила его секретарша Анжела.

– Мистер Барвелл не может подойти к телефону, у него важное дело – приступ астмы из-за нового ковра, который положили на выходные.

Предупредил ее, что скоро поступят бумаги от Марка УБлюдка относительно покупки квартиры номер четыре на старом аккумуляторном заводе, Крысиная верфь, Гранд-Юнион-канал, Лестер.

– Мистеру Барвеллу я даже не стану говорить об этом, – с горечью ответила она. – Все равно я тут одна за всех отдуваюсь. А ему лишь бы с ингалятором забавляться.

Пришлось ждать минут десять у дверей магазина, пока мистер Карлтон-Хейес искал место для парковки. Я наблюдал, как он идет по Хай-стрит – еле-еле ковыляет. Не знаю, долго ли он еще сможет держать магазин. А что будет со мной? Вечно мне не везет.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать, мой дорогой, – просипел мистер Карлтон-Хейес.

Я взял у него ключи и открыл дверь. Войдя внутрь, он привалился к груде недавно поступивших биографий, чтобы отдышаться.

– Если бы мы завели несколько стульев и диванов, как я предлагал, вы могли бы сесть и отдохнуть, – сказал я.

– Мой дорогой Адриан, мы не мебелью торгуем, а книгами.

Я не отставал:

– В наше время покупатели рассчитывают, что в книжных магазинах найдется где присесть, а еще они рассчитывают на чашечку кофе и возможность посетить туалет.

– Воспитанный человек, – возразил мистер Карлтон-Хейес, – мочится, испражняется и выпивает чашку кофе до того, как выйдет из дома.

От сумасшедших, как всегда, отбоя не было. Рыжебородый любитель паровозов в очках с дужками, скрепленными изолентой, настойчиво требовал расписание Транссибир-

ской магистрали за 1954 год на русском языке. Я отправил его в железнодорожный отдел руться в заплесневелой макулатуре, которую я бы давно выбросил, если бы не мистер Карлтон-Хейес.

Женщина, стриженная под ноль, с серьгами, свисающими до груди, спросила, не желаем ли мы приобрести первое издание «Женщины-евнуха».⁴ Я не желал. Книга была в жутком состоянии, без суперобложки, страницы уляпаны пометками и огромными восклицательными знаками, в придачу накорябанными алыми чернилами. Но тут, как водится, вмешался мистер Карлтон-Хейес и предложил стриженной 15 фунтов. Иногда мне кажется, что я работаю в благотворительном заведении, а не в самом старом букинистическом магазине Лестера.

Однако, когда мы уже собирались закрывать, вошла девушка и спросила, нет ли у нас экземпляра «Декоративной обивки для кукольного домика в стиле эпохи Регентства». Насколько мне удалось разглядеть, фигурка у нее вполне пристойная и лицо совсем недурное. А еще тонкие кисти и пальцы, что мне дико нравится в женщинах. Поэтому я тянул время, притворяясь, будто ищу книгу на полках.

– Вы уверены, что книга с таким названием существует? – спросил я.

Девушка ответила, что у нее когда-то эта книга была, но она дала ее почитать другой любительнице кукольных домиков, а та взяла и умотала на ПМЖ в Австралию, прихватив книгу с собой. Я посочувствовал и перечислил все книги, которые дал почитать за мою долгую жизнь, и с концами. Девушка сообщила, что в ее коллекции восемнадцать кукольных домиков, а всю обивку она мастерит сама, даже крошечные стульчики обтягивает собственноручно и вешает на окна лилипутские занавески. Я тут же припомнил, что мне вскоре понадобятся новые гардины – когда я перееду в свою новую мансарду, – и не сумеет ли она мне помочь. Девушка со вздохом призналась, что никогда не шила занавесок длиннее шести дюймов.

Хотя волосы ей не мешало бы подкрасить, чтобы они эффектно заблестели, но глаза за стеклами очков были приятного голубого цвета. Я сказал, что нынче же вечером, как только вернусь домой, поищу книгу в Интернете, и попросил ее зайти завтра.

А затем небрежно поинтересовался ее именем и номером контактного телефона.

– Меня зовут М. Крокус, – ответила девушка. – Мобильным телефоном я не пользуюсь, потому что это вредно для здоровья, но вы можете позвонить моим родителям.

И она дала мне номер!

– Она работает в «Сельской органике», лавке здоровой пищи на Рыночной площади, – обронил мистер Карлтон-Хейес.

Мы сидели в подсобке. Я считал выручку, а мистер Карлтон-Хейес курил трубку и читал талмуд «Персия: колыбель цивилизации».

Я спросил, чем же все закончилось для Персии.

– Она стала Ираном, друг мой, – ответил он.

Вернувшись под отчий кров в Эшби-де-ла-Зух, я поспешил к себе в комнату, включил ноутбук и набрал в «Гугле» фразу «Декоративная обивка для кукольного домика в стиле эпохи Регентства». «Гугл» выдал 281 сайт. Тогда я залез в книжный магазин WoodBooks.com, и мне предложили книгу под названием «Изготовление мебели для кукольного домика в стиле прошлых эпох» Дерекы и Шейлы Роуботтом, но, поскольку никаких упоминаний об эпохе Регентства не было, я отправился на сайт «Книги Мак-Марри», где обнаружил две книги: «Декоративная обивка для кукольного домика» за 14,95 доллара и «Миниатюрная

---

⁴ Произведение Жермен Грир, одной из основательниц современного феминизма.

вышивка для кукольного домика в георгианском стиле: эпоха королевы Анны, ранний и поздний периоды георгианства, эпоха Регентства» за 21,95 доллара.

Не мешкая, я позвонил по номеру, который дала мне М. Крокус.

Трубку снял мужчина.

– Майкл Крокус на проводе, – прогремел он. – С кем я говорю?

Я представился Адрианом Моулом из книжного магазина и пожелал переговорить с миз Крокус.

– Маргаритка! – гаркнул этот мужлан. – Тебя какой-то парень из книжного!

Выходит, ее зовут Маргаритка Крокус. Неудивительно, что она скрыла свое полное имя. К телефону она подошла не сразу. На заднем плане я слышал Рольфа Харриса,⁵ распевавшего «Джейк – деревянная нога». После «Деревянной ноги» последовали «Два мальчика». Неужели в семье Маргаритки у кого-то есть пластинка, кассета, диск или видео с песенками Рольфа Харриса и этот кто-то действительно их *слушает!*

Наконец трубку взяла Маргаритка:

– Алло. Простите, что не сразу подошла, – тихим голосом извинилась она. – Я совсем замучилась с пастушьей запеканкой.

– Замучились ее есть или готовить? – сострил я.

– Готовить, – совершенно серьезно ответила она. – Если кружочки морковки не разложить равномерно, то запеканка будет безнадежно испорчена.

Я согласился и предположил, что она, видимо, законченная перфекционистка, вроде меня. А потом поведал о своих изысканиях в мировой паутине. Маргаритка сказала, что «Декоративная обивка для кукольного домика» у нее уже есть, зато она страшно обрадовалась «Миниатюрной вышивке» и попросила заказать для нее эту книгу.

Заканчивать разговор не хотелось, и я спросил, бывают ли кукольные лофты. Маргаритка пообещала справиться в Национальной ассоциации любителей миниатюры, членом которой она является, и заметила, что кукольные лофты, возможно, станут ее следующим увлечением.

Трубку я положил со странной смесью восторга и ужаса. Верный признак скорой влюбленности.

Вторник, 8 октября

Вчера вечером мама разморозила пастушью запеканку – какое невероятное совпадение! Запеканку она приготовила пару недель назад, морковка валялась на поверхности предельно хаотично. Несомненно, это знак свыше. Спросил маму, что подвигло ее достать из холодильника пастушью запеканку.

– Голод, – ответила она.

Среда, 9 октября

Письмо от Гленна.

*Королевский тыловой корпус
Казармы «Тыловик» Суррей*

Дорогой папа

---

⁵ Австралийский шоумен, телеведущий и певец, особенно прославился своими детскими песенками.

Надеюсь ты здоров. Я здоров. Прости что не написал тебе раньше. Начальный курс боевой подготовке отнимает слишком много времени. Нас муштруют 24/7 – В основном орут и ругаются. Некоторые парни плачут по ночам. Иногда мне хочется сбежать домой папа. Но я надеюсь что выдиржу. Ты приедешь на мой выпускной парад в пятницу 1 ноября? Пускай мама с бабушкой и дедушкой тоже приедут. Плохо что Уильям приехать не сможет потому что он в Африке. Я считаю зря ты папа отправил Уильяма к его маме. Ведь это ты его вырастил. Надо было оставить его в Англии. Знаю Жо-Жо хорошая но Уильям не умеет говорить на нигерийском языке и не любит ихнюю еду. На днях видел по телеку Пандору. Сказал парням что когда-то она была девушкой моего папы, но никто не поверил потому что она такая шикарная. Теперь они надо мной смеются и обзывают Бароном Боттом. Вот и все новости.

*С самыми теплыми пожеланиями
твой сын Гленн*

Только что вспомнил. Скажи бабушке Полине что она должна быть в шляпе. Так положено.

Зачем надо было добавлять «твой сын»? Сколько еще известных мне Гленнов служат сейчас в армии? Однако я впервые пожалел, что Гленн носит фамилию своей матери. «Барон Моул» звучит элегантнее.

Показал письмо маме.

– Надену норковую шляпку, – обрадовалась она, – выходит, не зря пылилась в шкафу тридцать лет. Вряд ли на плацу соберется много противников одежды из натурального меха, правда?

Четверг, 10 октября

Сегодня утром к нам в магазин зашел толстяк средних лет и потребовал «Супружеские пары» Джона Апдайка, и чтоб они были в идеальном состоянии.

Я заметил, по-моему весьма остроумно, что «супружеские пары в идеальном состоянии» – это чистойшей воды оксюморон.

Толстяк раздраженно пропыхтел:

– Так есть или нет?

Мистер Карлтон-Хейес слышал наш разговор и, проворно отыскав книгу на полках с американской художественной литературой, вложил ее в короткопалые руки толстяка со словами:

– Увлекательный социальный документ о сексуальных нравах людей, у которых слишком много свободного времени, так я думаю.

Толстяк буркнул: «Беру». Выходя из магазина, он оглянулся на меня, и я отчетливо расслышал, как он произнес: «Охламон». Хотя, по зрелом размышлении, возможно, он сказал: «Оксюморон».

Днем в магазин заглянул Найджел – после посещения глазной клиники. Считается, что он мой лучший друг, но во плоти я не видел его месяцев шесть. Последний раз мы общались по телефону. Он тогда сказал, что терпеть не может провинциальных гей-клубов, куда люди стекаются, чтобы пообщаться и избавиться от комплексов; нет чтобы как в лондонских клубах – ради музыки и секса.

– В жизни есть не только музыка и секс, – возразил я.

– Вот потому мы с тобой такие разные, Моули, – ответил Найджел.

Меня потрясло, насколько Найджел изменился. Он все еще красив, но щеки слегка обвисли, и он явно давненько не подкрашивал волосы.

По виду Найджела было ясно, что у него неприятности.

– Врач проверил мне зрение, потом ужасно долго молчал, а затем спросил: «Вы сюда приехали на машине, мистер Хетерингтон?» Я ответил, что да, вел машину всю дорогу из Лондона. Тогда он сказал: «Боюсь, я не могу разрешить вам ехать обратно. Вы стали видеть еще хуже, чем прежде. Придется внести вас в списки людей с частичной потерей зрения».

Я отчаянно искал какие-нибудь слова поддержки, но придумал только:

– Тебе же всегда нравились темные очки, Найджел. Теперь ты можешь носить их круглый год, ночью и днем, и при этом никто не будет считать тебя выпендренником.

Найджел оперся о столик с уцененными книгами, порушив стопку нечитанных «Поминок по Финнегану». Я бы подставил ему кресло, если бы оно у нас имелось.

– Как мне жить без машины, Моули? – спросил Найджел. – Как мне теперь вернуться в Лондон? И как обозревать прессу, если я не могу читать эту сраную прессу?

Я сказал, что раз у Найджела частичная потеря зрения, то ему вряд ли стоит гнать по автостраде и уж тем более вливаться в лондонский трафик.

Найджел вздохнул.

– В последнее время я делаю столько опечаток! Уже несколько месяцев обычный шрифт могу разобрать только с лупой.

Я позвонил в «Попутный кеб» и попросил прислать за Найджелом такси, чтобы его отвезли в родительский дом. Диспетчер сообщил, что все таксисты в данный момент молятся в мечети о мире во всем мире, но он обязательно пришлет машину при первой же возможности.

Я посоветовал Найджелу освоить азбуку Брайля.

– Моули, да у меня же руки не тем концом вставлены, ты что, забыл?

Тогда я спросил, различает ли он цвета.

– Я вообще теперь мало что различаю, – угрюмо ответил он.

Кошмар! А я-то надеялся, что Найджел поможет декорировать мой лофт. Прежде у него было хорошее чувство цвета.

Я помог ему забраться в такси и велел водителю ехать в тупик Билла Гейтса, 5, район муниципальной застройки Хоумстед, рядом с Гленфилдом.

Найджел сердито рявкнул:

– Я пока не онемел, Моули!

Надеюсь, он не превратится в желчного слепца вроде мистера Рочестера из «Джен Эйр».

Пятница, 11 октября

Утром позвонил Джонни Бонду из «Закат Лимитед», и мы снова сцепились из-за 57,10 фунта.

Он ехидно поинтересовался:

– Ну что, твой дружок премьер сварганил тебе справку?

Ответил ему, что мистер Блэр принимает в Охотничьем домике мистера Путина, пытаюсь убедить его присоединиться к Британии и Америке в борьбе с Саддамом.

– Ему никогда не удастся втянуть Россию, Германию и Францию в эту преступную бойню, – объявил Бонд.

Суббота, 12 октября

Экспресс-почтой пришла «Миниатюрная вышивка для кукольного домика в георгианском стиле».

Мистер Карлтон-Хейес приподнял брови.

Сказал ему:

– Если бы у нас в магазине имелся компьютер, мы могли бы заказывать книги по всемирной сети и удвоить оборот.

– Но, дружище Адриан, – возразил он, – наши дела и так идут неплохо. На жизнь хватает, расходы покрываем, да еще проводим свои дни среди благодатных книг. Разве этого мало?

Вопрос не был риторическим. Он искренне хотел знать. Я пробормотал, мол, конечно, мне очень нравится здесь работать, но, мой дорогой дневник, у меня руки чешутся затеять модернизацию. У нас даже касса механическая!

В обед я отправился на Рыночную площадь. Маргаритка в «Сельской органике» расхваливала лимскую фасоль женщине, лицо у той было такое мученическое, что не ошибешься – бедняга страдает депрессией в легкой форме. Когда несчастная ушла, прижимая к груди экологический бумажный пакет, я протянул Маргаритке бандероль:

– Вот, решил доставить лично.

Она извлекла книгу из конверта и вскрикнула:

– Мама, ее прислали!

У прилавка возникла высокая женщина с лицом симпатичной хрюшки. Отродясь не видел такой розовой кожи. То ли у нее дерматологическое заболевание, то ли лампа для загара подвела.

– Здравствуйте, миссис Крокус, – сказал я и протянул руку.

– Если не возражаете, я не стану пожимать вам руку.

Маргаритка, смутившись, объяснила:

– Мама считает рукопожатие анахронизмом.

Миссис Крокус взяла книгу и перелистала ее, сощуриив и без того маленькие глазки. Маргаритка с тревогой наблюдала за ней, словно ожидая вердикта. Я и сам немного занервничал. Всегда чувствую себя неловко в присутствии женщин выше меня ростом.

– Не знал, что книга предназначена вам, миссис Крокус, – пробормотал я.

– Не мне, – ответила она, – но Маргаритку очень легко обжудить. Сколько вы просите за нее?

Я сказал, что книга стоит 21,95 доллара плюс 25 долларов за пересылку и упаковку.

– Сколько это в нормальных английских деньгах? – осведомилась миссис Крокус.

Я протянул ей счет.

– 29,75 фунта! За брошюрку в 168 страниц?

– Но ее доставили из Америки за три дня, миссис Крокус, – разъяснил я.

Швырнув книгу на прилавок, она взглянула на дочь:

– Если охота сорить деньгами, то дело, конечно, твое, но непонятно тогда, зачем мы с отцом экономим и гроши считаем, стараясь сохранить наш бизнес.

– Пожалуй, я заберу книгу, – сказал я.

– Пожалуй, заберите, – прошептала Маргаритка. – Мне очень жаль.

Вернувшись в магазин, я сообщил мистеру Карлтон-Хейесу что покупатель отказался от присланной по почте книги.

– Ничего страшного, Адриан, – махнул он рукой. – Уверен, в Лестере найдется человек, интересующийся миниатюрной вышивкой в георгианском стиле.

Воскресенье, 13 октября

Луна в первой четверти.

Электронное письмо от Розы:

Ади, ты слышал про взрыв на Бали? Моя подруга Эмма сейчас на пути в Австралию через Бали. Ты не мог бы позвонить в «Информацию о пострадавших»? У меня не осталось денег на мобильнике. Ее зовут Эмма Лекстон, ей двадцать лет.

Я ответил:

Информацию сообщают только ближайшим родственникам. Высылаю тебе 10 фунтов экспресс-почтой. Не показывай их Саймону. Пожалуйста, позвони маме. Она о тебе беспокоится.

Понедельник, 14 октября

Достопочтенный Тони Блэр, Джордан и Бекхэм не отвечают.

Уважаемый мистер Блэр.

Возможно, мое письмо от 29 сентября утеряно или забыто в суете нашей беспокойной эпохи. Прилагаю копию и буду признателен за скорый ответ. Туристическая компания «Закат Лимитед» по-прежнему отказывается возместить мне залог в размере 57,10 фунта.

Остаюсь, сэр,

Вашим покорным и преданным слугой,

А. А. Моул

Только четыре человека пришли сегодня вечером на собрание Группы художественного письма Лестершира и Ратленда – я, Гэри Вялок, Глэдис Спок и Кен Тупс. Мы, как обычно, собрались у Глэдис в гостиной, украшенной изображениями кошек и фотографиями многочисленной родни.

Собрание открыл я чтением своего драматического монолога «Говорит Моби Дик», в котором излагается точка зрения кита на китобойный промысел.

Через несколько секунд Глэдис перебила:

– Ничего не понимаю. Что происходит? Это рыбка разговаривает или как?

Кен Тупс затушил сигарету в пепельнице-кошечке и поправил:

– Глэдис, кит не рыба, а млекопитающее.

Я продолжил читать, хотя было ясно – эту аудиторию мне не завоевать.

По окончании Гэри Вялок одобрил:

– Мне понравилось место, где ты называешь Ахава «человеком, рожденным без души».

Глэдис прочла очередное жуткое стихотворение про кошку, что-то типа «Ах мой ангел-кошечка, она такая крошечка...».

А поскольку Глэдис восемьдесят шесть лет, стихи были встречены аплодисментами.

Затем наступил черед Вялока и новой главы из его романа в стиле Пруста, который он пишет и переписывает вот уже пятнадцать лет. 2000 слов понадобилось ему, чтобы описать, как он впервые ел печенючку «хобноб».

Вялок, когда его критикуют, имеет обыкновение заливать слезами.

– Отлично, Гэри, – похвалил Кен Тупс. – Особенно мне понравилось про то, как печенючка растворяется в чае.

Я сообщил, что мне пока не удалось найти почетного гостя на обед 23 декабря, но кое-какие зацепки имеются.

Выяснилось, что Кен ничего не написал, потому что работал в две смены на фабрике «Чипсы Уокера». Там устанавливают новую линию.

– И какого вкуса новые чипсы? – оживилась Глэдис.

– Я дал подписку о неразглашении, – ответил Кен.

Глэдис обиженно съязвила:

– Фу-ты ну-ты, прям как в «Шпион, выйди вон!».⁶ Всего-то дурацкие чипсы!

Я сменил тему, рассказав, что скоро переезжаю в лофт на старом аккумуляторном заводе, что на Крысиной верфи, и в дальнейшем собираться можно у меня.

– У меня там когда-то муж работал, – подхватила Глэдис. – Бедняжка облился кислотой. Чудом свой причиндал уберег.

Я вовсе не Глэдис имел в виду, когда организовывал нашу литературную группу.

Вторник, 15 октября

В обед зашла Маргаритка и купила «Миниатюрную вышивку для кукольного домика в грузинском стиле», но просила ничего не говорить матери. Шепнула, что спрячет книгу на чердаке, где хранится большинство ее кукольных домиков. Родители туда не заглядывают, поскольку не могут взобраться по крутой чердачной лесенке.

Я сказал, что с радостью взглянул бы на ее коллекцию кукольных домиков, к тому же взобраться по лестнице я пока вполне способен.

Маргаритка ответила, что ее родители «странновато» относятся к гостям.

– Неужели они всегда дома? – удивился я.

Нет, по пятницам они посещают театральное общество «Мадригал».

– Какое совпадение! – воскликнул я. – Пятница – единственный день в неделю, когда я свободен.

И улыбнулся, давая понять, что это всего лишь шутка и не надо так смущаться.

Кукольные домики меня абсолютно не интересуют. Последний, который я видел, принадлежал моей сестре Розе – пластиковая безвкусная штука типа ранчо, в которой тусовались Барби и ее приятель Кен.

Спросил Маргаритку, не согласится ли она выпить со мной после работы. Оказалось, что она не очень хорошо переносит алкоголь.

– Тогда кофе? – настаивал я.

– Кофе? – всполошилась Маргаритка, словно я предложил ей глотнуть крови только что зарезанной свиньи.

Красное вино благотворно влияет на систему кровообращения, заметил я.

Это сработало.

– Ладно, я выпью с вами бокал красного вина, но не сегодня. Я должна заранее предупредить родителей.

– Как насчет завтра?

– Хорошо, – кивнула Маргаритка, – но потом вам придется отвезти меня домой. Мы живем в Биби-на-Уолде, а последний автобус из Лестера отходит в 6.30 вечера.

Почему-то мы говорили полупшепотом. Маргаритка чем-то напоминает шпионку заброшенную в тыл врага. Какая у нее нежная кожа! Так и хочется погладить.

---

⁶ Роман английского писателя-детективщика Джона Ле Карре.

Вечером родители огорошили меня новостью: они продают дом. Какой-то идиот предложил за него 180 000 фунтов, вместе со всеми кошмарными коврами и занавесками. Я сказал, что им придется выложить не меньше за другой такой же дом.

– Ага! – торжественно вскричал отец. – Мы не станем покупать такой же дом! Мы за бесценок купим развалюху и отремонтируем ее.

И они принялись изучать раздел недвижимости в «Лестерском вестнике», отмечая объявления о продаже самых ветхих халуп в самых захудалых районах.

Их изможденные старческие лица пылали энтузиазмом. У меня не хватило мужества окропить ледяным душем эти безумные головы.

Зачем им знать, что такое строило, особенно когда оно срывается и хряпает тебя по башке.

Среда, 16 октября

Сегодня утром постарался одеться в натуральные цвета. Мистер Карлтон-Хейес похвалил мой лосьон после бритья. Я сообщил, что его подарила мне Пандора на Рождество четыре года назад и пользуюсь я им только по особым случаям. Мистер Карлтон-Хейес поделился новостью: вычитал в журнале «Книготорговец», что Пандора написала книгу, называется «Из ящика», выпуск запланирован на июнь 2003 года.

Я посоветовал мистеру Карлтон-Хейесу заказать несколько экземпляров, ведь Пандора избиралась в парламент от местного округа и постоянно маячит в лестерских «Ночных новостях», воркуя с ведущим Джереми Паксманом.

А не мог ли кто другой написать за Пандору эту книгу, усомнился мистер Карлтон-Хейес. Маловероятно, успокоил я его, Пандора никому не доверяет и все всегда делает сама. Однажды она буквально взбесилась из-за того, что я посмел переключить радиостанцию в ее машине.

Как и было договорено, с Маргариткой мы встретились в баре «Евровино», где раньше размещался банк «Барклиз». Устроились за столиком у стены, которую раньше подпирала очередь на оплату счетов. Я попросил принести карту вин. Официант, перекрикивая оглушительную сальсу, заявил, что никакой карты вин нет и выбрать можно между красным и белым, сладким или сухим.

Маргаритка пожелала выпить сладкое красное, поскольку у нее низкий уровень гемоглобина. Я выбрал сухое белое.

Из-за шума беседа не клеилась. Прямо у нас над головой висел динамик. Я оглядел посетителей – в основном юнцы, и, похоже, они умели читать по губам. Видимо, здесь собирается публика из Королевского института глухих.

Через некоторое время мы оставили всякие попытки поддержать беседу и Маргаритка принялась теревить серебряные брелочки на своем браслете-амулете.

Вскоре соседний столик оккупировал предсвадебный девичник – с виду типичные медсестры, все в мини-юбках и колготках в крупную сетку. Одна из девиц тут же достала из сумки заводной пенис и пустила его гулять по полу. Пенис сначала покружился на одном месте, а потом затопал в нашу в сторону и ткнулся Маргаритке в ногу. Я расплатился, и мы поспешили на улицу.

Там я спросил, нравится ли Маргаритке китайская кухня.

– Если соблюдать меру с глютаматом натрия, – ответила она.

У ратуши кучковалась молодежь. Глянув на них, я понял, что в свои тридцать четыре с половиной года я здесь, наверное, самый старей. Даже полицейские в «транзите» выглядели сущими детьми.

Четверг, 11 октября

Вчера никак не мог заснуть. Лежал в темноте и думал о Маргаритке. Какое хрупкое, нежное создание! Ей нужен человек, который поможет обрести уверенность в себе и освободит от навязчивой родительской опеки.

После бара я повел ее в ресторан «У Вонга», где мы угощались печеньем «язычки», тающим во рту, супом с пряностями, сочной утиной грудкой с оладьями, курочкой под лимонно-медовым соусом и кисло-сладкими свиными тефтелями с рисом, обжаренным в яйце.

Я попросил Уэйна Вонга, которого знаю со школьных лет, убрать столовые приборы и принести палочки, а еще я попросил передать повару, чтобы он не слишком увлекался глутаматом натрия.

Судя по всему, на Маргаритку произвели впечатление мои уверенные, космополитичные манеры ресторанного завсегдатая.

Уэйн усадил нас за лучший столик рядом с гигантским аквариумом, где плавали карпы кои⁷ стоимостью 500 фунтов за штуку.

– Какие страшные, – пискнула Маргаритка.

Я накрыл ее ладонь своей:

– Не бойтесь. Они не сумеют выбраться из аквариума. – И предложил пересесть.

– Не надо, – ответила она. – Просто они очень большие. А я люблю все маленькое.

Впервые со времен моего полового созревания я встревожился из-за того, что женщина сочтет мои гениталии слишком большими. Мы договорились увидеться завтра – жду не дожусь.

Пятница, 18 октября

Рози прислала СМСку:

М благополучно в Вулгулге.

И только проехав полпути до Лестера, я сообразил, о чем это она.

Сказал мистеру Карлтон-Хейесу что нынче вечером я приглашен к Маргаритке – посмотреть на ее коллекцию кукольных домиков.

Он изумился:

– Вы идете в дом к Майклу Крокусу? Будьте осторожны, мой мальчик, это страшный человек.

Я поинтересовался, где и когда пересеклись их пути-дороги.

– Одно время Крокус был вице-президентом литературно-философского общества в нашем городе, – начал мистер Карлтон-Хейес. – У нас возникли крупные разногласия из-за Толкиена. Я утверждал, что первых абзацев «Братства кольца» достаточно, чтобы вызвать рвоту у самого стойкого человека. Стыдно признаться, дошло даже до рукопашной, и случилось это на автостоянке перед Центральной библиотекой.

– Надеюсь, победа осталась за вами, – предположил я.

– Хотелось бы мне так думать, – мечтательно произнес он.

---

⁷ Пестрые японские карпы, некогда обитавшие лишь в водоемах у знати, в последние годы эти рыбы стали признаком богатства и на Западе.

Я объяснил, что во время моего визита Майкл Крокус с женой будут на заседании общества «Мадригал».

Когда мистер Карлтон-Хейес скрылся в подсобке, я схватил «Братство кольца» и пробежал глазами первые абзацы. Господи, и зачем было шум поднимать? Книга определенно не стоит того, чтобы из-за нее драться. Правда, вместо «хоббитании» можно было придумать что-нибудь и получше.

Тут вернулся мистер Карлтон-Хейес, я придиричиво оглядел его мешковатый кардиган. Трудно поверить, что этот человек затеял мордобой на автомобильной парковке.

Маргаритка попросила оставить машину на центральной улице Биби-на-Уолде. Мы срезали путь через поле и приблизились к дому, словно сошедшему со страниц готического романа. Здесь Маргаритка прожила всю свою жизнь. В дом мы вошли через черный ход. Она сказала, что не хочет, чтобы меня увидели соседи. Я повертел головой – никаких соседей вокруг не наблюдалось.

Обстановка была выдержана в темных тонах, а холод пробирал до костей. Похоже, Майкл Крокус – противник центрального отопления, зато он поборник многослойных шерстяных одеяний и физического труда.

Маргаритка явно нервничала.

– Наверное, не стоило мне приходиться, – сказал я.

– Нет-нет, – ответила Маргаритка, – я взрослая женщина, мне тридцать лет. Имею право показать кукольные домики своему другу.

Мы пересекли мрачный холл, где на этажерке лежала стопка книг и кассет, дожидавшихся, когда их вернут в Центральную библиотеку. На одной из кассет значилось: «Концерт Рольфа Харриса».

– Рольф Харрис и мадригалы? – удивился я.

– У моего отца эклектичные вкусы, – обронила Маргаритка.

Сторожко, точно воры, мы преодолели два лестничных пролета. Я первым взобрался по чердачной лесенке, поскольку на Маргаритке была юбка. Потом Маргаритка зажгла свет в кукольных домиках. Сперва домики меня очаровали. Тонкость шитья декоративной обивки сражала наповал, а когда Маргаритка продемонстрировала унитаз, в котором спускалась вода, у меня глаза на лоб полезли. Следующая партия домиков тоже впечатлила, но, честно говоря, дорогой дневник, осматривая восемнадцатый по счету домик, я с трудом сдерживал зевок. Однако старательно изображал заинтересованность.

Я испустил вздох облегчения, когда мы вышли из дома и направились обратно к машине. Ладонь моя сжимала тонкие пальцы Маргаритки. Мне хотелось попросить ее выйти за меня замуж, но я подавил в себе этот порыв.

В машине мы поговорили о наших семьях. Мы оба от них пострадали. Маргаритка сказала, что больше всего на свете боится так никогда и не вырваться из родительского дома. Ее старшие сестры Гортензия и Георгина сбежали много лет назад.

В 10 часов она сказала, что ей пора домой готовить родителям ужин. Я провел пальцами по ее лицу. Кожа оказалась нежной, как шелковая рубашка, которая у меня когда-то была. Маргаритка почти красива, когда улыбается. И зубы у нее пристойные.

Дома рассказал маме о Маргаритке.

– Судя по твоему описанию, она просто ходячий кошмар, – сделала вывод мама. – Послушай моего совета, держись подальше от страдалиц. Они засосут тебя в свой жалкий мир.

Маме ли не знать – она замужем за моим отцом.

Суббота, 19 октября

В обеденный перерыв заглянул в «Сельскую органику», чтобы передать Маргаритке книгу «Одевайтесь правильно!» Тринни Вудолл и Сюзанны Константайн. Прежде я об этом не упоминал, мой дорогой дневник, но у Маргаритки не самый изысканный вкус по части одежды. Она совершенно не понимает, что пестрые гольфы не надевают с удлиненной юбкой, а желто-зеленым туфлям вообще не место в гардеробе.

Когда она увидела название книги, нижняя губа у нее задрожала, а глаза наполнились слезами. Она была явно тронута.

За прилавком стоял массивный человек заносчивого вида в мохнатом свитере с деревцами. Свитер этот связал ему либо лучший друг, либо злейший враг. Человек громогласно просвещал пожилую пару насчет генетически модифицированных продуктов.

– Не надо себя обманывать, – ревел он. – Через пятьдесят лет в этой стране не останется ни одного дерева, помяните мое слово. Если сажать генетически модифицированные растения, то можно попрощаться с певчими птицами и бабочками. Вы этого хотите?!

Пожилая пара дружно покачала головами.

Лысый череп оратора блестел под люминесцентной лампой. Желтая борода нуждалась в стрижке. Это был Майкл Крокус собственной персоной. Я возненавидел его с первого взгляда. Мне хотелось крикнуть:

– Да, Крокус, жду не дождусь, когда деревья, певчие птицы и бабочки канут в Лету!

Но разумеется, я промолчал.

Маргаритка, должно быть, уловила мое настроение. Она не познакомила меня с отцом. Магазин я покинул с тяжелым сердцем.

Воскресенье, 20 октября

Поскольку родители находятся в «процессе смены машины», они попросили подбросить их на Харроу-стрит, что в лестерском районе Гримшоу дабы осмотреть то, что мой отец несколько высокопарно именует «недвижимостью». На фотографии, которую дал им агент, торгующий этой самой недвижимостью, можно было разглядеть заколоченный дом, из трубы торчала буйная растительность.

Я заметил, что на Харроу-стрит даже полиция носу не сует. Но родители сказали, что после осмотра «недвижимости» они едут на чай к Тане Брейтуэйт и Пандоре, приехавшей в гости к матери на вторую годовщину смерти отца. У меня до сих пор ноги слабеют при упоминании имени Пандоры, так что родительское коварство сработало и взяли меня голыми руками.

Мы только зря потеряли время. Глянув на дом № 5 на Харроу-стрит, отец так перепугался, что даже не вылез из машины. Мама оказалась похрабрее – она заглянула в прорезь почтового ящика. По ее словам, дом обживают сквоттеры – стая голубей. Я представил, как птицы, развалившись перед телевизором, пьют чай.

Когда мама садилась в машину, к ней подскочил какой-то юнец с надвинутым на лицо капюшоном:

– Эй, бабеч, кайфануть не хочешь?

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – ответила мама таким тоном, словно отказывалась от каталога престижной фирмы. А потом обернулась к отцу, сидевшему сзади: – Помнишь, Джордж, как мы субботними вечерами выкуривали косячок?

– Тихо! – шикнул отец. – Не при Адриане, Полин!

- Когда это было? – заинтересовался я. – Я уже родился?
- В шестидесятые, Адриан, – пояснила мама. – Тогда все покуривали.
- Все? И бабушка Моул? И Уинстон Черчилль?

Меня одолело такое отвращение к этой парочке, что я не разговаривал с ними до самого дома Тани.

Пандора в кремовом брючном костюме выглядела фантастически. Никогда не перестану ее любить.

На серванте рядом с зажженной свечой и вазой с красными цветами стояла большая фотография Ивана. Фото сделали в то время, когда он еще был женат на Тане. Никто не вспоминал о том, что Иван утонул во время медового месяца с моей матерью. И никто не вспоминал, что мой отец жил с Таней, когда это случилось.

Пандора вышла в сад покурить, я последовал за ней. Спросил, не даст ли она интервью для моей книги «Слава и безумие».

Отбросив назад волосы цвета патоки, она рявкнула:

– Я, по-твоему, кто, поп-звезда? Я серьезный политик, вкалывающий от зари до зари!

Возразил на это, что часто вижу ее на страницах журнала «Хелло!» под ручку со всяким гламурным старичьем.

Пандора ответила, что не в силах остановить папарацци. Она курила, а я разглядывал ее очаровательный профиль. Вдруг она протяжно вздохнула. Я спросил, все ли с ней в порядке.

Пандора ответила, что скучает по отцу, и добавила:

– Твоя мать когда-нибудь рассказывала тебе о том, что произошло?

Мне было известно лишь то, что писали в газетах, да еще то, что моя мать на какое-то время лишилась дара речи, настолько она была потрясена случившимся.

– Насколько потрясена, – горько усмехнулась Пандора, – что увела твоего отца у моей матери через неделю после похорон папы.

– Типичное поведение людей, родившихся в эпоху беби-бума, – вздохнул я. – Все это поколение морально разложившееся.

Рассказал ей, что в 60-е мои родители страдали наркозависимостью. Пандора рассмеялась: мол, несколько затяжек субботним вечером – еще не зависимость.

Тогда я поведал ей о бедном слепом Найджеде, но Пандора уже была в курсе, даже успела свести Найджеда с высоким чином в Королевском национальном институте помощи слепым.

– Для консультации? – спросил я.

– Для сбора средств, – ответила она. – У Найджеда отличные связи в гомосексуальной мафии. Через него легко подобраться к их кошелькам.

Таня позвала нас к столу, и мы провели неловкий час за едой, выпивкой и воспоминаниями, однако упоминаний об обстоятельствах смерти *Ивана*, тщательно избегали.

Для оживления атмосферы я рассказал, что написал Тони Блэру письмо с просьбой прислать документы, подтверждающие его слова об оружии массового уничтожения, Кипре и сорокапятиминутной боеготовности.

– Этот скупердэй боится потерять свой залог в турагентстве, – вставила мама.

Оказалось, что Пандора сейчас редко видится с мистером Блэром, поскольку его постоянно нет в стране. Неизбежна ли война с Ираком, поинтересовался я.

– Поговаривают, – ответила Пандора, – что Министерство обороны намерено призвать резервистов-медиков.

– Значит, в больницах останется еще меньше врачей и медсестер, – резюмировала мама.

Она определенно успела посплетничать с хозяйкой, пока мы с Пандорой дышали свежим воздухом, потому что Таня вдруг спросила:

– Я слышала, у тебя новая девушка, Адриан?

– Как ее зовут? – оживилась Пандора.

Я глубоко вздохнул и произнес:

– Маргаритка Крокус.

Пандора расхохоталась, показав полупережеванный сэндвич с клюквой и сыром.

– Господи, какое нелепое имя! Привози ее ко мне познакомиться. Напою вас чаем в парламенте.

Так и сделаю, дорогой дневник, но только после того, как Маргаритка прочтет, изучит и возьмет на вооружение рекомендации, изложенные в книге «Одевайтесь правильно!».

Понедельник, 21 октября

Полнолуние.

Позвонил мой адвокат Дэвид Барвелл, сказал, что пришли документы от Марка У'Блюдка и ипотечной компании. Предупредил, что с меня еще 8000 фунтов. И как я намерен покрыть эту задолженность?

– Но я рассчитал на калькуляторе, что потребуется всего-навсего 3000 фунтов, – возразил я.

– Может, батарейки сели? – предположил Барвелл.

– Он работает от солнечных батарей, – ответил я.

– Так ведь в последнее время солнце появляется не часто, мистер Моул. Вы явно ошиблись в расчетах.

И вновь спросил, откуда я возьму недостающую сумму.

Я ответил, что в строительном обществе у меня лежат заработанные тяжким трудом сбережения на сумму 4000 фунтов, остальное надеюсь где-нибудь занять.

– Закон не руководствуется надеждами, мистер Моул, – отрезал мой адвокат, – он руководствуется фактами. Вам следует принести первый взнос мне в кабинет до конца этой недели, или собственность вернется на рынок.

Затем он спросил, не нужен ли мне независимый финансовый консультант. Как раз по совету независимого финансового консультанта, ответил я, мой отец вложил свою пенсию в «Вечную молодость».

Барвелл долго молчал, а потом буркнул:

– Намек понят.

Я немедленно позвонил в свой банк в Калькутте и объяснил ситуацию девушке на другом конце провода. Она пообещала выслать бланк заявления на получение банковского кредита.

Вышлют ли мне его из Калькутты, спросил я.

– Нет, из Уотфорда, – был ответ.

Вторник, 22 октября

Бланка из банка нет как нет.

После работы встречался с Маргариткой. В волосах у нее была лента, как у кэрролловской Алисы – из синтетической шотландки.

Среда, 23 октября

Позвонил в Калькутту. Какой-то мужик сказал, что заявление на получение кредита было выслано А. Воулу живущему в Лестере, Северная Каролина, США, в понедельник, 21 октября.

Я потребовал, чтобы бланк выслали еще раз, но уже по правильному адресу и на мое подлинное имя. Подчеркнул, что дело не терпит отлагательства.

Вчера вечером «Жизнь Пи»⁸ завоевала Букеровскую премию. Мама полюбопытствовала, о чем книга. Об индусском мальчике из христианско-мусульманской семьи, который провел год в спасательной шлюпке вместе с бенгальским тигром посреди Тихого океана, сказал я.

– А почему тигр не сожрал мальчика? – удивилась мама.

– Если бы тигр сожрал мальчика, не было бы романа, – пожал я плечами.

– Но это же неправдоподобно, – гнула свое мама.

Вмешался отец, великий литературный критик:

– Пацан и пяти минут не протянул бы рядом с голодным тигром.

– Это аллегория, – бросил я и вышел из кухни, пока они не засыпали меня вопросами об устройстве спасательной шлюпки.

Четверг, 24 октября

Отнес в химчистку костюм от Хьюго Босс, специально указав на белые пятна на брюках. Разъяснил приемщице, что пятна от молока, остались после прошлого Рождества.

На работу позвонила мама и сказала, что пришло письмо из банка «Барклиз». Я попросил ее вскрыть конверт и прочесть, что говорится в письме. После мучительного ожидания (господи, да сколько же нужно времени, чтобы вскрыть самый обычный бумажный конверт?) мама сообщила: мне прислали выписку с моего счета по карте «ВИЗА». К выписке прилагался незаполненный чек и письмо следующего содержания: «Уважаемый мистер Моул, прилагаемый чек можно использовать там, где нельзя расплатиться карточкой банка «Барклиз», – например, при оплате счетов за коммунальные услуги, услуг местных торговцев, ремонтных бригад или обучения в школе. Курсовая стоимость обозначена ниже. Просьба ознакомиться с условиями на обратной стороне выписки со счета».

Что за условия, спросил я.

Мама поглядела на обратную сторону выписки.

– Тут сказано что-то про... «любые суммы, не превышающие кредитный лимит».

– Какие проценты они берут с суммы, оплаченной чеком?

– Два процента за выплаты наличными, – прочла она и продолжила: – Здесь говорится, что твой кредитный лимит составляет десять тысяч фунтов. Как тебе это удалось?!

Я сказал, что банк «Барклиз» оказал мне такую услугу в девяностые годы, когда я вел на кабельном телевидении передачу «Потрохенно хорошо!».

– Но ты же не заработал на ТВ ни гроша! – припомнила мама.

– Зато заработал репутацию. Банк «Барклиз» верит в меня.

---

⁸ Роман канадского писателя Янна Мартела.

Затем я попросил маму об огромной услуге – привезти чек с письмом в магазин, чтобы я немедленно подписал его и переправил в офис Барвелла. Согласилась она со скрипом и только после того, как я добавил, что иначе могу потерять лофт.

– Мне все равно нужно купить туфли для военного парада Гленна, – сказала мама.

Что такое у женщин с туфлями? Почему им по каждому случаю нужны новые туфли? У меня три пары обуви: черные ботинки, коричневые ботинки и пляжные шлепанцы. И все мои потребности полностью удовлетворены.

10 вечера

Барвелл убрал астматический ковер, заменив его ламинатом.

Чек «ВИЗА» на 8000 фунтов, выписанный на клиентский счет Дэвида Барвелла и подписанный «А. Моул», благополучно приобщен к делу.

Анжела заставила меня подписать кучу юридических бумаг. Осведомилась, не хочу ли я их сначала прочесть.

Я глянул на бумаги:

– Для меня все это китайская грамота.

– Для мистера Барвелла тоже. – Она оглянулась на кабинет начальника и сердито добавила: – Теперь он жалуется на ламинат. Мол, слишком скользкий.

По словам Анжелы, я могу въехать в лофтные апартаменты уже через неделю!

Пятница, 25 октября

9.45 вечера, Глициниевая аллея

Пряча финансовую документацию в несгораемый шкаф, я прочел письмо из банка «Барклиз» с предложением обналичить чек – и обалдел, ошалел и пришел в ужас. Оказывается, процентная ставка по кредиту составляет 21,4 процента, а не 2 процента, как сказала мама; 2 процента – это плата за банковскую операцию с чеком (160 фунтов).

Солнце уже несколько дней не показывалось, поэтому я не воспользовался калькулятором, а позвонил школьному приятелю Парвезу который недавно получил диплом бухгалтера.

Парвез первым делом объявил, что берет 25 фунтов за первые десять минут телефонной консультации и по 2 фунта за каждую последующую минуту. Скороговоркой я назвал ему цифры и спросил, сколько мне в итоге придется выплатить процентов за мои 8000 фунтов.

Спустя одиннадцать минут (Парвез нарочно тянул время, задавая кучу лишних вопросов) я услышал:

– Это будет тебе стоить головы, а также руки и ноги. Минимум 162,43 фунта в месяц. Если платить по минимуму ежемесячно, на погашение кредита понадобится тринадцать лет и девять месяцев, общая сумма составит 26 680,88 фунта – при условии, что ставки по кредиту не повысятся. Ты провалился в яму сложных процентов, Моули, ясно? – Выдержав паузу, он продолжил: – Я сейчас набираю клиентов. Хочешь записаться на прием?

– А нельзя ли нам просто встретиться где-нибудь, выпить и потрепаться? – спросил я.

– Бухгалтерия – это не хобби, Моули.

В итоге я согласился заглянуть к Парвезу в гости – надо же хоть как-то разобраться в своих финансовых делах.

Суббота, 26 октября

Отвез машину в сервис. Сказал механику Лесу, что иногда в двигателе раздается стук.

– Какого рода стук? – переспросил он.
– Будто крошечный человечек угодил туда, как в западню, и теперь пытается привлечь мое внимание.

Лес пробормотал, что скорее всего дело тут в большой головке шатуна.

Я сообщил, что машина нужна к пятнице – я еду в казармы «Тыловик» на парад с участием моего сына.

– Размечтался, – буркнул Лес.

Воскресенье, 27 октября

Пандора оказалась права: призвали резервистов из докторов и медсестер. Британия – на пороге войны.

Вечером позвонил Маргаритке.

Трубку сняла ее мать.

– Нетта Крокус у телефона.

Попросил позвать Маргаритку, но Нетта сказала:

– Она на чердаке, и я туда не полезу, не осмелюсь ее потревожить.

Она произнесла это так, будто Маргаритка – безумная жена мистера Рочестера.

Начал упаковывать вещи. Грузовик мне не понадобится. Все содержимое моей жизни, с книгами и одеждой, уместится в багажнике машины-универсала.

Понедельник, 28 октября

Встал в 6.30 и сел на автобус из Эшби-де-ла-Зух в Лестер. Приятно, однако, сидеть впереди и любоваться сельскими пейзажами за окном. И пока я ехал, мне хватило времени обдумать свою жизнь. Где я хочу оказаться через десять лет? Хочу ли я снова жениться и завести детей? Или я должен целиком посвятить себя публикации моей книги?

Надиктовал письмо Клэр Шорт⁹ на профессиональный карманный диктофон «Филипс-398».

Уважаемая Клэр.

Прошу прощения, что обращаюсь к Вам по имени, но Вы столь дружелюбны и так легко сходите с людьми, что я уверен: Вы не обидитесь. Не согласитесь ли Вы приехать в Лестер и дать интервью для моей новой книги «Слава и безумие». Главная идея моей книги заключается в том, что все знаменитости в конечном счете сходят с ума и начинают считать себя сверхлюдьми.

Я не могу выплатить гонорар или оплатить расходы, но Вы наверняка получаете достаточное вознаграждение за выполнение своих министерских обязанностей. Меня устраивает вторая половина дня в воскресенье.

Будучи человеком честным и прямым, Вы, надеюсь, не станете возражать против откровенных высказываний в Ваш адрес. Шарфики, к которым Вы пристрастились в последнее время, производят не столь блестящее впечатление, как Вы, возможно, думаете. На мой взгляд,

---

⁹ Министр Великобритании по международному развитию.

только француженки умеют носить шарфики. Почему бы Вам не купить французский «Вог», когда Вы в следующий раз будете пробежать мимо журнального киоска.

С нетерпением жду ответа.

Остаюсь, мадам, Вашим покорным и преданным слугой.

А. А Моул.

Когда я выходил из автобуса, одна из пассажирок бросила мне вдогонку:

– Насчет шарфиков в самую точку попали.

Вторник, 29 октября

Луна в последней четверти.

Сегодня в магазине появилась Шарон Ботт. Прикатила в Эванс за нарядом для парада Гленна. Шарон доставала из сумки просторные одеяния и кокетливо прикладывала их к себе. Розовый пиджак мог бы украсить бегемота, а брюки с широченными штанинами запросто налезли бы на слона.

Представил Шарон мистеру Карлтон-Хейесу – вот они и встретились, две стороны моей натуры. Шарон Ботт, мать моего первенца, незаконнорожденного Гленна, олицетворяет алчность и слабость моей плоти, а мистер Карлтон-Хейес воплощает мое интеллектуальное и рассудочное «я».

Шарон оглянулась вокруг:

– Ой, скоко книжек!

И хихикнула, словно мы с мистером Карлтон-Хейесом разбазариваем свое время на легкомысленное и пустое занятие.

Я сказал, что Гленн пригласил нас на вечеринку в пятницу отпраздновать завершение начального курса боевой подготовки.

– Придется возвращаться за полночь, – посетовала она.

Я ответил, что не собираюсь ехать из Суррея ночью, поскольку плохо вижу в темноте, и предложил переночевать в гостинице.

Шарон чуть в обморок не упала от счастья.

– Гостиница! – вскрикнула она. – Супер! – Затем лицо ее омрачилось. – Но, Ади, мне нечем заплатить за гостиницу. Да и боюсь я спать в номере одна.

Я не отпустил ее, пока не уговорил купить стопку книг Барбары Картленд, от которых мистер Карлтон-Хейес давно мечтал избавиться.

Потом позвонил Лесу справиться насчет машины.

– Человечек все еще в моторе, – сказал Лес.

Среда, 30 октября

Опять еду на автобусе.

Сегодня утром звонил Лесу. Он сказал, что человечек либо помер, либо сбег.

На заднем плане раздался хриплый мужской гогот.

– То есть вы починили машину и я могу ее забрать? – уточнил я.

– Сейчас она на полевых испытаниях, – ответил механик. – Приезжайте часиков в пять.

В 3 часа пополудни мы с мистером Карлтон-Хейесом оформляли витрину – на тему Ближнего Востока. Подняв глаза, я увидел, что на стоянке для инвалидов припарковалась моя машина, из нее вылез юнец в спецовке и направился в магазин «Солдатский сундучок».

Я тут же набрал номер Леса. Тот пустился в объяснения, мол, одному из его парней шепнули, что в Лестер завезли новую модель кроссовок «Адидас» и надо поторопиться, ведь кто поспел, тот и съел.

– Да будет вам, мистер Моул. Ведь и вы когда-то были молодым.

Я холодно уведомил, что мне тридцать четыре.

– Тогда извиняйте, – сказал Лес. – Я-то думал, вы много старше.

Похоже, работа с антиквариатом преждевременно меня состарила.

Забрал машину после работы. Лес взял с меня 339 фунтов минус бензин, потраченный на поездку в «Солдатский сундучок». Расплатился с ним по карточке «ВИЗА».

– Я вам забесплатно дам освежитель воздуха, пахнет рождественской елкой, – попытался задобрить меня Лес.

С трудом выдал «спасибо».

Весь вечер пытался забронировать три дешевых гостиничных номера в окрестностях «Тыловики», но в наличии имелись только безбожно дорогие люксы. Пришлось заказать два двухместных номера, один для родителей и один для себя и Шарон Ботт. Если понадобится, буду спать на полу. Гостиница называется «Курорт Лендор».

Позвонил Пандоре, застав ее в тот момент, когда она собиралась идти голосовать по законопроекту о рабочем режиме членов парламента.

– Чего тебе? – прорычала она.

Я сказал, что если она натолкнется на Тони Блэра, пусть напомнит ему, что он все еще не ответил на мои письма.

– Так, я спешу, – оборвала меня Пандора.

Спросил, поддерживает ли она новый законопроект о рабочем времени или выступает против.

– Конечно, против! Изменить рабочие часы хотят только мамочки и папочки, которым, видите ли, необходимо лично укладывать своих деток баиньки. – И сурово добавила: – Всех парламентских баб надо стерилизовать сразу после вступления в должность.

November

Пятница, 1 ноября

День всех святых.

День, когда мой сын Гленн стал настоящим солдатом.

Суббота, 2 ноября

Вчера проснулся на рассвете, принял душ, заварил чай, отнес родителям. На тумбочке у кровати отца заметил бутылку вина и два бокала. Телевизор работал со вчерашнего вечера. Долго не мог их разбудить.

Даже забеспокоился, а вдруг они оба одновременно впали в кому, ведь бывают такие удивительные совпадения.

Велел им поторопиться. Отъезд назначен на 8.30, поскольку по дороге мне надо забрать костюм из химчистки, а потом заехать на другой конец города за Шарон.

Закрывая дверь спальни, услышал голос отца:

– Чур, я сажу впереди рядом с Адрианом.

У дома Шарон нас встретил ее новый сожитель – малый двадцати семи лет, звать Райан, вышел на крыльцо и уставился на машину. К груди он прижимал очередного младенца Шарон.

Тут в дверях появилась Шарон, в руках она держала: большой чемодан, сигарету, дамскую сумочку, черную бархатную шляпку зонт, косметичку и перчатки.

– Господи! – прошептал отец. – Она как из того стишка про даму с картонкой и собачонкой.

Я вышел из машины и открыл багажник.

Ко мне приблизился Райан:

– Когда ты ее завтра привезешь?

Это зависит от погоды и плотности дорожного движения на магистралях, ответил я.

– Она должна вернуться к 12.30. У меня концерт в «Купер-хаус».

Его послушать, так он известный музыкант, за которого дерутся все телестудии Британии, но я-то знаю, что Райан зарабатывает шестнадцать фунтов в месяц, развлекавая обитателей дома престарелых «Купер-хаус» песнями Веры Линн.

Дорога до казарм «Тыловик» заняла больше времени, чем я рассчитывал, поскольку мои пассажиры чуть ли не каждую минуту требовали остановиться, чтобы покурить. В костюм, рубашку и галстук пришлось переодеться прямо в машине на автостоянке рядом с казармами.

Наконец я вылез из машины, и мама вскрикнула:

– А что это за белая фигня на твоих брюках?

Она поплевала на носовой платок и попыталась стереть пятна, но под воздействием химикалий они намертво пристали к штанам.

Большую часть дня я провел, прижав ладони к ляжкам – будто, завидев ребенка, готовлюсь нагнуться, чтобы потрепать его по волосам.

Высокий и очень породистый человек с россыпью медалей на груди, генерал Фробишер-Нэрн, обратился к толпе родственников и друзей с торжественной речью – мол, мы должны гордиться нашими сыновьями и дочерьми, которые будут служить своей королеве и стране.

Затем под звуки полкового оркестра туда-сюда маршировали молодые солдаты. Гленна мы увидели не сразу, первой разглядела его Шарон и расплакалась. Я обнял ее за плечи.

Отец снимал церемонию на миниатюрную видеокамеру.

И я очень даже возгордился, когда генерал Фробишер-Нэрн, проходя вдоль строя, остановился рядом с Гленном и проговорил с ним целую минуту.

Когда Гленн подошел к нам в актовом зале, где нам подали чай, я спросил, что сказал ему генерал.

– Он спросил, откуда я. Я ответил: «Из Лестера, сэр». А он: «Из Лестера? Не там ли делают чипсы «Уокер»?» А я: «Так точно, сэр». А он: «Вы любите чипсы, Ботт?» А я: «Так точно, сэр». А он: «И какие вы предпочитаете, Ботт?» А я: «С луком и сыром, сэр». Тогда он сказал: «Отлично, Ботт». И я ответил: «Благодарю, сэр».

Я промолчал, но, честно говоря, дорогой дневник, банальность их беседы меня огорчила. А тем более в такой момент, когда сам воздух вокруг пропитан предчувствием грядущей войны.

На вечеринке, устроенной в местном пабе, мы задержались недолго. Родители выставили себя на посмешище, извиваясь под «Давай опять станцуем твист». Думаю, Гленн вздохнул с облегчением, когда мы объявили, что возвращаемся в гостиницу.

Перед нашим уходом он сказал:

– Я хотел бы сфотографироваться с мамой и папой.

Один из его приятелей, застенчивый солдатик по имени Робби, сделал снимок. Сын встал между нами, а мы с Шарон обняли его за плечи. Гленн просто сиял от счастья.

Я загрустил при мысли, что Гленн рос не в нормальной семье, где мама и папа живут вместе и любят друг друга. Рано утром он улетает из аэропорта Гатуик на Тенерифе, чтобы провести там недельный отпуск со своими приятелями-солдатами.

Я дал ему пятьдесят фунтов, хотя сейчас для меня такая сумма непомерна.

Гостиницей «Курорт Лендор» управляет супружеская чета – Лен и Дорин Легг. Поскольку ни у кого, кроме меня, в нашей компании нет действующей кредитки, отдал Лену Леггу свою.

Отец спросил, открыт ли еще бар. Хозяин вздохнул, закатил глаза, но достал из кармана громадную связку ключей и отпер решетку на двери бара.

– Спасибо, добрый хозяин, – сказал отец и потребовал бутылку холодного шампанского.

– Холодного нет, – пробурчал Лен. – Но могу положить в морозильник на полчаса.

– Не утруждайтесь, – ответил отец. – Через полчаса я соображу, что плачу с трехсотпроцентной наценкой, и аннулирую заказ. Шампанское сейчас или никогда!

Когда нам подали напитки, на пороге возникла Дорин Легг и осведомилась плаксивым тоном:

– Разве ты не идешь спать, Лен?

– Куда ж я пойду, не видишь, что тут творится, – ответил тот.

Дорин с укором воззрилась на нас:

– Он на ногах с половины шестого. Тут завелась мама:

– Как постояльцы гостиницы, мы, по законам Европейского союза, имеем право пить в баре круглосуточно, если того пожелаем.

Я спросил у Дорин Легг, подают ли в баре закуски.

– Только до 22.30, – угрюмо ответила она.

Шарон нервно заерзала на табурете рядом со мной. Шел двенадцатый час, а ей необходимо есть каждые два часа.

Отец вызвался отправиться на поиски еды.

Дорин Легг заявила, что в округе все закрыто, но в номерах мы найдем мини-бар с большими запасами шоколада и орешков.

Мама во весь голос вещала о заграничных гостиницах, в которых она останавливалась: еда там расчудесная, а персонал – само добросердечие.

Лен Легг стоял за стойкой бара, слушал и ковырял под ногтями жеваной спичкой.

Когда мы поднимались в трясущемся лифте, я напомнил родителям, что содержимое мини-бара не входит в счет.

Я надеялся, что в номере, который мне предстояло делить с Шарон, будут две кровати, – но не суждено. Большую часть комнаты занимало гигантское ложе, накрытое розовым махровым покрывалом.

Шарон повела себя как законченная деревенщина. Пришла в восторг от пресса для брюк, обалдела от телевизора, подвешенного на кронштейнах. Одобрила плотность грязных тюлевых занавесок, заглянула в каждый ящик и шкаф. Наткнулась на Библию и воскликнула:

– Ой, кто-то книжку забыл.

Внутри шкафа-купе она обнаружила мини-бар. У меня не хватило духу помешать ей вскрыть банку с орешками. Я заглянул в преискурант мини-бара.

– Господи, 8.50!

В пижаму я переоделся в ванной.

Когда я вышел, Шарон расправлялась с «Хрустящими орешками» фирмы «Нестле». Слизнув прилипшую к губе крошку шоколада, она сказала:

– Ади, без обид, я больше не балуюсь с кем попало, поэтому ты не особо рассчитывай.

После чего скрылась в ванной, вышла через пять минут в чем-то вроде библейской хламиды и легла в постель.

– Это лучшая ванная, которую я в жизни видела, – сонно пробормотала она. – Правда, приятно, что они припасли для гостей маленькие мыльца и всякие разные пузырьочки?

А я лежал без сна и думал, что бы сказала Маргаритка, увидев нас с Шарон лежащими бок о бок. Поняла бы или она из ревнивиц?

Спускаясь утром с Шарон в столовую, я издали услышал мамин голос. Она скандалила с Дорин Легг из-за тостов. Этот ее монолог я слышал не раз.

– Я заказала полноценный английский завтрак с тостом! Вы принесли завтрак, но тост подали пятнадцатью минутами позже. И подали его холодным и сырым. Этот так называемый тост на самом деле никто не озаботился приготовить как следует. Сунули в тостер секунд на тридцать – и готово! Так что я вправе требовать, чтобы вы забрали так называемый тост назад и подсушили его еще раз.

– До сих пор никто не жаловался, мадам, – возразила Дорин Легг и оглядела прочих постояльцев, которые покорно жевали недоделанные тосты.

Отец льстиво заметил:

– Я вот ничего не имею против сырых тостов. Но моя жена очень разборчива по этой части.

– Джордж, это не тост! – закричала мама.

И помахала перед его лицом рыхлым куском белого хлеба.

Я решил, что пора вмешаться.

– Миссис Легг, мы платим за наши номера по девяносто пять фунтов. Разве трудно принести несколько кусков белого хлеба, подрумяненного с обеих сторон, не устраивая здесь мелодрамы?

Затем я отвел Шарон к буфетной стойке и объяснил, что она может спокойно угощаться хлопьями, соками и подкисшим фруктовым салатом.

Признаться, я очень горд за Шарон. По-моему, она побила рекорд по части опустошения буфетной стойки, после чего с легкостью умяла полноценный английский завтрак с жареным хлебом и добавочным тостом.

Упаковывая сумки, я закинул бесплатные туалетные принадлежности в чемодан Шарон, в том числе запасной рулон туалетной бумаги и белую салфетку.

При свете дня комната выглядела обшарпанной, на ковре темнели пятна, оставленные многочисленными постояльцами.

На шоссе M25 мы оказались в хвосте у грузовика с прицепом. Плелись за ним два с половиной часа, отцу пришлось облегчаться в пустую бутылку из-под диет-колы.

Шарон позвонила Райану с моего мобильного, чтобы предупредить об опоздании. Она принялась захлеб рассказывать ему о гостинице, но он оборвал ее на полуслове. До самого дома Шарон уныло молчала.

Когда она выбиралась из машины, я сказал:

– Наверное, не стоит говорить Райану, что мы спали в одном номере и на одной кровати? Он может не понять.

– Не волнуйся, Ади. Мы с Райаном поклялись говорить друг другу правду двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

Я вытащил ее чемодан. В окне гостиной маячила злобная физиономия Райана. На руках у него надрывался младенец. По дороге к дому я умолял Шарон солгать, сказав Райану, что она провела ночь на односпальной кровати в одноместном номере.

Заканчиваю писать с чувством нарастающей тревоги.

Воскресенье, 3 ноября

Поскольку Шери Блэр проигнорировала мое приглашение выступить на обеде Группы творческого письма Лестершира и Ратленда, я написал Рут Ренделл.¹⁰

Уважаемая миз Ренделл,

Ответьте, как писатель писателю, где Вы черпаете свои идеи? Вы пишете от руки или пользуетесь компьютером? Сколько времени уходит на один роман? В творчестве Вы опираетесь на личный опыт или Ваши персонажи и сюжеты полностью вымышлены?

Но позвольте ухватить быка за рога.

Я являюсь секретарем Группы творческого письма Лестершира и Ратленда. Недавно нас сильно подвела Шери Блэр. Она не ответила на приглашение выступить на рождественском обеде, который состоится 23 декабря сего года (о месте встречи будет сообщено дополнительно).

---

¹⁰ Известная английская писательница-детективщица.

Я понимаю, что времени остается немного, но не могли бы Вы оказать нам такую честь?

Мы не можем позволить себе выплатить гонорар или компенсировать расходы, но думаю, Вы найдете нашу компанию весьма любопытной.

Надеюсь, Ваш ответ будет положительным. Однако, если миссис Блэр в конце концов примет наше приглашение, надеюсь, Вы не обидитесь, если в последнюю минуту мне придется Вам отказать. В конце концов, она у нас выше всех.

*Остаюсь, мадам, Вашим покорным и преданным слугой,
А. А. Моул.*

Понедельник, 4 ноября

Новолуние.

Утро в магазине выдалось спокойным. Мистер Карлтон-Хейес сидел в подсобке, дымил трубкой и читал «Дневники» Тони Бенна,¹¹ опубликованные на прошлой неделе.

Я заносил в каталог ежегодники «Руперт», когда в магазин ворвался Райан, сожитель Шарон, и изверг на меня поток грязных оскорблений, утверждая, что я «оттрахал» Шарон в гостинице «Курорт Лендор».

Я честно сказал ему – и ты, дорогой дневник, тому свидетель, – что мы с Шарон за всю ночь ни разу не вышли за рамки приличий.

Я всячески избегаю физического насилия, но, когда меня бьют кулаком в плечо, отвечаю тем же. Мы сцепились самым неприличным образом, но тут из подсобки вышел мистер Карлтон-Хейес и, повысив голос, приказал Райану покинуть магазин.

– Отвали, старый козел, – заорал Райан, – пока я тебе трубку в жопу не засунул.

Тогда мистер Карлтон-Хейес передал трубку мне и мощно влепил Райану в челюсть.

Райан убрался, грозя вернуться с братом.

Мистер Карлтон-Хейес забрал у меня трубку со словами:

– Какая у вас невероятно драматичная жизнь, Адриан. Я вам завидую.

Вторник, 5 ноября

Вчера вечером позвонил Маргаритке, пригласил на фейерверк, организованный пожарниками, вся выручка от которого пойдет в забастовочный фонд. Маргаритка сказала, что боится огня, а потому забаррикадируется у себя дома вместе с домашними животными. Ее хрупкость одновременно волнует и раздражает меня.

Родители нашли два свинарника на окраине Мэнголд-Парвы. Свинарники стоят на заброшенном поле размером в одну восьмую акра в полумиле от ближайшего проселка. Разрешение на переоборудование свинарников в человеческие жилища имеется. Но ни воды, ни газа, ни электричества, ни канализации там нет.

Они показали мне фотографию, и мама возбужденно ткнула в то место, куда они собираются вставить французские окна. Я отговаривал их, но эти двое целиком во власти безумия. Они страдают от folie a deux,¹² как Мира Хиндли и Йен Брейди.¹³

---

¹¹ Лейборист, член британского парламента, известный своими зажигательными речами и экстравагантным поведением.

¹² Парной мании (франц).

¹³ Садомазохистская пара маньяков, убивавших в первой половине 1960-х годов детей для получения сексуального возбуждения.

Намерены поселиться в палатке и самолично заняться перестройкой.

– В палатке? – изумился я.

– Сегодня купили! – похвасталась мама. – Три спальных места, кухня и даже внутренний дворик с крышей на случай дождя.

– Не забудь про бесшовное основание, – напомнил отец.

– Но зимовка в палатке вас доконает, – возразил я.

Отец горделиво расправил плечи.

– Ты забываешь одну вещь, парень. Мы с твоей матерью родились в эпоху демографического взрыва. В ревущие сороковые! Мы выросли без центрального отопления, туалетной бумаги, витаминов, горячей воды в водопроводе. Мы ходили в школу четыре мили туда, четыре обратно, по снегу, в штанах, из которых давно выросли. Чтобы нас доконать, требуется нечто большее, чем какой-то сквознячок.

Спросил их, что они собираются делать с мебелью. Ответили, что избавятся от нее. Мама поинтересовалась, не хочу ли я забрать самое лучшее из обстановки в мой новый лофт. Я едва не расхохотался ей в лицо.

Среда, 6 ноября

Позвонил Дэвиду Барвеллу – узнать, когда смогу увидеть свой договор. Ответила Анжела она передала бумаги мистеру Барвеллу, но теперь он страдает страшной аллергией на клей, которым крепят ламинат, и на работе его нет.

В 12 часов мистер Карлтон-Хейес включил переносной телевизор посмотреть передачу «Премьер-министр отвечает на вопросы». Мистер Блэр как раз разъяснял парламенту: мол, несколько минут назад он беседовал по телефону с президентом Бушем, и тот сказал, что в 3.30 пополудни будет объявлено о резолюции ООН, которая даст добро на войну с Ираком.

Мистер Карлтон-Хейес полюбопытствовал, что я думаю о Тони Блэре. Я ответил, что восхищаюсь этим человеком, поддерживаю его и безоговорочно ему доверяю.

Позвонил Маргаритке и предложил встретиться после работы. Голос ее звучал устало. Бедняжка глаз не сомкнула всю прошлую ночь из-за треска фейерверков – «чудовищный грохот!». Маргаритка считает, что нам, как цивилизованной стране, пора запретить варварские забавы с огнем.

Я не стал говорить, что ночью бенгальским огнем выводил ее имя в непроглядной тьме.

Четверг, 7 ноября

Опять позвонил адвокату. Анжела пожаловалась, что в офисе царит хаос. Пол раскучен, ламинатные доски вырваны с мясом. Я строго напомнил, что мне необходим оформленный договор.

Побывал у Парвеза, который принимает клиентов у себя дома, в бывшей детской. Он купил в ИКЕА офисный гарнитур и вращающийся стул, обтянутый черной кожей, но одна стена все еще в обоях с Почтальоном Пэтом.

Я с удивлением обнаружил, что Парвез облачен в традиционное мусульманское одеяние. Он пояснил, что снова ходит в мечеть.

На мой взгляд, козлиная бородка ему идет – лицо кажется не таким круглым.

Парвез усадил меня и спросил, каково мое финансовое положение. Мой ежемесячный доход равен 1083,33 фунта, ответил я.

Затем он открыл длинную анкету и опросил меня по всем пунктам, заноса ответы в ноутбук: сколько в неделю я трачу на газеты (8 фунтов), каковы текущие расходы на машину (100 фунтов в месяц), на напитки (немыслимые 15 фунтов за две чашки капучино в день, пять дней в неделю), на Интернет (35 фунтов в месяц). Я пришел в ужас. Когда мы закончили подсчитывать, выяснилось, что мои расходы превышают доходы почти на 5000 в год.

– Помнишь, мы проходили в школе «Дэвида Копперфилда», Моули? – назидательным тоном осведомился Парвез.

Это одна из моих любимейших книг, ответил я.

– А помнишь мистера Микобера? «Ежегодный доход в двадцать фунтов минус ежегодные расходы в девятнадцать фунтов и девяносто шесть пенсов, в итоге – счастье. Ежегодный доход в двадцать фунтов минус ежегодные расходы в двадцать фунтов и шесть пенсов, в итоге – нищета», то есть визиты в Бюро консультаций для граждан, долги, банкротство и потеря жилья.

Мы уставились в ноутбук Парвеза, где цифры высвечивали горькую истину.

– Что же мне делать? – вздохнул я.

– Прежде всего, не переезжай в новую квартиру, Моули, – ответил Парвез. – Она тебе не по карману.

Я сказал, что уже слишком поздно бумаги подписаны и деньги перечислены.

– Хочешь, я дам тебе финансовую консультацию, Моули? – предложил Парвез.

– Нет, она мне не по карману, – отказался я и пошел домой.

Пятница, 8 ноября

Полный триумф мистера Блэра! Несколько недель он убеждал иностранных руководителей, что оружие массового поражения Саддама Хусейна представляет серьезную угрозу миру, и вот резолюция № 1441 принята единогласно. Даже Сирия проголосовала вместе с прочими четырнадцатью странами.

Мама попыталась вывести отца из утреннего ступора, обсудив с ним резолюцию ООН.

– 1441, это случайно не название духов, которыми пользовалась моя мать? – на мгновение оживился он.

Мама разом погрузилась:

– Нет, Джордж, они назывались 4711.

Когда отец удалился из кухни, она сказала:

– Ну почему я не замужем за кем-нибудь вроде Роя Хаттерсли! Почему мой муж такой аполитичный!

Она закурила первую за день сигарету, и мы принялись смотреть новости. Мистер Блэр был великолепен. Сурово глядя в камеру, он обратился прямо к Саддаму Хусейну: «Разоружайся, или примешь бой!» Голос его дрожал от избытка чувств.

– Такое впечатление, будто он сейчас разревется, – заметила мама и крикнула, глядя на экран – Не дрейфь, Тони!

4 пополудни

Утром в магазин зашла Маргаритка. Буквально на минутку, она торопилась в Центр кармического здоровья, чтобы сделать индийский массаж головы. Она страдает мигренями с детства. Изумился, когда узнал, что за полчаса поглаживаний по голове с нее дерут 25 фун-

тов. Посоветовал вместо этого купить упаковку нурофена-экстра, мне он всегда помогает. Мигрени – единственное, что нас роднит.

Маргаритка спросила, не хочу ли я пойти на концерт, который общество «Мадригал» дает в кафедральном соборе Лестера. Ее отец будет солировать. У него контратенор.

5.30 пополудни

Мистер Карлтон-Хейес ушел домой. Я сижу в магазине и жду Маргаритку. Не пойму, в какую сторону развиваются наши отношения. По-моему, нет ничего кошмарнее, чем сидеть весь пятничный вечер в холодном кафедральном соборе и слушать, как Майкл Крокус поет женским голосом.

Полночь

К собору мы с Маргариткой шли, держась за руки. На ней была красная беретка и брючный костюм цвета хаки. Я промолчал, но уж очень она походила на десантника в увольнении. Может быть, Маргаритка подсознательно готовится к войне?

Логично было предположить, что Майкл Крокус переоденется для выступления, но нет, он был все в том же мохнатом свитере с деревьями; по моим прикидкам, он не снимает его уже двадцать дней кряду. Когда я обратил на это внимание Маргаритки, она заявила, что моющие средства страшно загрязняют наши реки и водоемы.

Майкл Крокус начал концерт с «краткого изложения истории «Мадригала»» и бубнил не меньше получаса, словно не замечая, что публика ерзает и зевает. Наконец началось ужасное пение.

Нетта Крокус башней возвышалась над другими хористами. Она и голосом брала над всеми верх. От ее басовитого контральто вибрировала скамейка, на которой сидели мы с Маргариткой.

Когда музицирование наконец завершилось и слушатели смешались с исполнителями, я приличия ради поздравил мистера и миссис Крокус с выступлением.

Крокус фыркнул:

– А теперь вы, молодежь, конечно, поскачете в клуб, где лабают рок-н-ролл.

Я едва сдержал смех. От мистера Крокуса несет плесенью!

Чуть позже, в ресторане «Императорский дракон», я спросил Маргаритку, не приходила ли ей в голову мысль поселиться отдельно от родителей. Гоня палочкой по тарелке зеленую фасоль, она пробормотала, что не собиралась задерживаться у родителей столь надолго, по идее она уже давно должна была выйти замуж.

Суббота, 9 ноября

С утра пораньше позвонила Маргаритка. Ее родители находят меня чудесным молодым человеком, радостно сообщила она. У меня не хватило духу сказать ей, что я полночи не спал, придумывая, как порвать с ней.

Воскресенье, 10 ноября

Смотрел, как старики и старухи маршируют мимо Кенотафа.¹⁴ Некоторые из них еле ноги волочили; у других вообще не было ног, и они катили в инвалидных колясках. Отец спросил меня, почему я шмыгаю носом. Аллергия на маки, ответил я.

– Твой дед Артур участвовал во Второй мировой, – нравоучительным тоном произнес отец.

Я спросил, где воевал дед Артур.

– Он не любил говорить о войне, но если видел ее по телевизору или слышал «Лили Марлен», то всегда плакал, как ребенок. Твоя бабушка Моул отсылала его на задний двор, вручив чистый носовой платок, и не пускала в дом, пока он не успокоится. Да, твоя бабуля была не сахар.

Мама на своем «Макинтоше» вносила изменения в адресные карточки. Новый адрес моих родителей отныне звучит так Свиарники, Нижнее поле, Дальняя просека, Мэн-голд-Парва, Лестершир.

– А ты не слишком торопишься? – спросил я.

– Нет, вчера мы купили свиарники на аукционе.

В этом доме от меня у всех сплошные секреты. Хорошо, что я отсюда скоро съеду.

Позвонил Найджелу. С тех пор как он выставил на продажу свою лондонскую квартиру Найджел живет у родителей в бабушкином флигеле. Зрение у него стало еще хуже. Позвал его в кино на «Властелина колец».

– Нет, – отказался Найджел, – там все происходит в Средиземье, в вечном сумраке, да и эльфы с гномами – такая фигня.

Я поинтересовался, не улучшился ли у Найджела слух с тех пор, как он ослеп.

– Да, теперь я слышу за пять долбанных миль, как муха летит. Правда, мне повезло?

Понедельник, 11 ноября

Луна в последней четверти.

Мы с мистером Карлтон-Хейесом были, по-видимому, единственными людьми на Хай-стрит, почтившими память погибших минутой молчания в 11 часов,¹⁵ если не считать пары пенсионеров и чернокожего водителя автобуса, который вылез из кабины и стоял со склоненной головой.

Позвонил Барвеллу. Анжела сообщила, что бумаги осталось только подписать. Дабы поддержать беседу, спросил, какое на этот раз мистер Барвелл выбрал покрытие для полов.

Анжела сказала, что Барвелл записан на 4 часа дня к аллергологу – хочет сначала проконсультироваться.

Попросил мистера Карлтон-Хейеса отпустить меня на часок. «На сколько душе угодно», – ответил он.

---

¹⁴ Обелиск в честь погибших в Первой мировой войне.

¹⁵ 11 ноября – День памяти павших в войнах.

Этот миг должен был стать счастливейшим в моей жизни, но, подписывая документы, которые обязывали меня выплачивать ежемесячно 723,48 фунта, я не мог не вспомнить напутствие Парвеза: «Бюро консультаций для граждан, долги, банкротство, потеря жилья... и нищета».

На протяжении всей короткой церемонии подписания документов Барвелл непрерывно чихал и кашлял. Я заметил, что у него в кабинете слишком затхлый воздух, и предложил открыть окно.

– Заколочено, – прохрипел он. – А то пыльца налетит.

Окна у него в кабинете сплошь пластиковые, я посоветовал заменить их традиционными, с деревянными рамами. Подробно пересказал ему содержание передачи по Радио-4 о синдроме больных зданий, которую прослушал накануне вечером. Поначалу он было заинтересовался, но вскоре его внимание ослабело и он принялся поглядывать на часы.

В пятницу забираю ключи от Крысиной верфи.

Вторник, 12 ноября

Вчера на заседании Группы творческого письма Лестершира и Ратленда Кен Тупс спросил, нашел ли я почетного гостя на рождественский обед 23 декабря. И где мы соберемся. Ни миссис Блэр, ни Рут Ренделл пока не ответили, признался я.

Гари Вялок сообщил, что пробуетеся на должность преподавателя творческого письма для взрослых инвалидов в Центре пожизненного обучения.

– Но, Гэри, – удивился я, – твоя квалификация не позволяет учить людей творческому письму.

Он сухо возразил, что, во-первых, имеет степень бакалавра педагогических наук, а во-вторых, почти завершил свой роман. И добавил, что должность эта предполагает неполный рабочий день с окладом в 10 000 фунтов в год. Он даже показал объявление, оканчивавшееся фразой: «Предпочтение будет отдано авторам, имеющим публикации».

Как можно более мягко я указал Вялоку что пока он не заработал ни пенни своим творчеством, и напомнил про отказы из издательств, которыми он украсил стену дымохода в своей спальне, она же гостиная.

Глэдис прочла свежий стих про кошек:

Господь прибрал бедняжку Кики
И указал ей пути
«Езжай-ка, дескать, на Маврикий,
Пора тебе и отдохнуть.
Там полюбишь с новой силой —
Мура, Тома, Мармелада,
Призраками страшно милыми
Шлындают они по променаду».¹⁶

В прошлый четверг малышку Кики переехал грузовик.

---

¹⁶ Перевод Елены Полецкой.

Кен Тупс заявил, что стихотворение не удалось, в нем нет правды жизни. Мол, Маврикий выбран только потому что он рифмуется с Кики. А мысль, будто дохлые кошки могут «шлындать» по какому-то небесному променаду вообще представляется ему абсурдной.

Этот стих неправда,
Этот стих абсурд,
Это стих-придумка,
Ради рифмы, Брут.

Я заметил, что слово «придумка» выглядит слишком придуманным.

Гэри Вялок посоветовал Глэдис собрать все ее стихи про кошек и отправить издателю.

Кен Тупс захохотал:

– Чтобы он ими выстелил кошачий сортир?

Глэдис сказала, что раз мы не уважаем память бедной Кики, нам следует немедленно покинуть ее дом. Я убрался с радостью – с ног до головы меня покрывала кошачья шерсть.

Кен Тупс предложил нам с Гэри пропустить по рюмочке. Паб «Рыжая корова», расположенный рядом с университетом, был набит студентами, подпевающими Рольфу Харрису. Гэри пояснил, что Рольф Харрис – культовая фигура для нынешних студентов. Как получилось, что я об этом ничего не знаю?

Мы обсудили будущее Группы творческого письма Лестершира и Ратленда и пришли к печальному выводу: Глэдис тянет нас назад. На собраниях мы только и делаем, что слушаем ее кошачьи стихи.

– Придется исключить ее, другого выхода нет, – подвел итог Кен.

Мне поручили сообщить Глэдис Спок, что она более не является членом Группы творческого письма Лестершира и Ратленда.

Спросил Кена, над чем он сейчас работает.

– Ни над чем, – проворчал он.

Маргаритка оставила на моем мобильнике сообщение: она «обеспокоена. Ты давно не звонил. Уж не расхворался ли?»

Разговаривать с ней не хотелось, поэтому я нацарапал записку:

Дорогая Маргаритка,

Прости за молчание. Постоянно думаю о тебе. Мое дыхание учащается, когда я вспоминаю твои тонкие руки или очки, вечно сползающие на кончик носа.

Если бы у тебя был мобильник, мы бы с утра до вечера обменивались СМСками. На этой неделе я оч. занят. В пятницу переезжаю на Крысиную верфь, а потом мне понадобится немало времени для обустройства. По я свяжусь с тобой, как только покончу с делами.

*С самыми наилучшими пожеланиями,
твой Адриан.*

P. S. Полагаю, твой отец раздражен тем, что Джефф Хун разрешил президенту Бушу установить ракеты для звездных войн на земле старой доброй Англии. Я же считаю это ценой, которую мы должны заплатить за свободу.

Среда, 13 ноября

Напомнил родителям, что сегодня в 6 часов вечера начнется забастовка пожарников. Я умолял их не курить в постели и не оставлять в пепельницах дымящиеся сигареты, если вдруг вздумается постричь ногти на ногах и прочее. Не хватало только, чтобы этот дом сгорел прежде, чем я перееду на Крысиную верфь, а они в свое новое жилище, которому уже дано название – Свинарники.

Четверг, 14 ноября

Мистер Карлтон-Хейес дал мне три дня на переезд. Не представляю мою старенькую основную кровать, на которой я сплю со школьных лет, в моем суперсовременном лофте. Это все равно что положить вязаную салфеточку на диван от Теренса Конрана. Нужно купить: футон, новое постельное белье, простое, но стильное оборудование для кухни, стол и два стула на балкон, книжные полки, телевизор и занавески на стеклянный туалет. Проблема в том, что у меня совсем нет денег.

Обратился к матери за помощью. Она оторвалась от «Реконструкции недвижимости: руководство для начинающих» и сказала:

– Сейчас никто не пользуется деньгами. Деньги как таковые не существуют. Все, кого я знаю, живут в кредит. Заведи себе магазинную карточку.

Нашел маленькую фирму, которая меня завтра перевезет. Называется «Две девчонки и фургон».

Вторую половину дня провисел на телефоне, наслушался Вивальди и разных автоответчиков, но так ничего и не понял и расстроился. Похоже, газ на Крысиную верфь подается компанией «Водоснабжение Северн-Трент», электричество – газовым управлением, а вода – французской компанией, название которой я не в силах произнести. За телефон отвечает кабельная компания «НТЛ». Завтра в 2 часа пополудни они подключают меня к 200 телевизионным каналам.

Девчонки из компании «Две девчонки и фургон» – никакие не девчонки. Это мускулистые особы средних лет, звать их Шиан и Хелен. Они пришли выяснить, сколько раз их фургону придется курсировать между Эшби-де-ла-Зух и Лестером.

Правильный ответ – один раз.

«Девчонки» вручили мне картонные коробки, и, пока я упаковывал книги наверху, они с матерью пили чай внизу.

Вскоре ко мне поднялся отец. Из кухни доносился женский смех. Я спросил отца, о чем они там беседуют.

– Да обычный бабий треп, – ответил он. – Цены на капусту, погибла принцесса Диана или ее убили, найдет ли Ханс Бликс оружие массового поражения, кошки, как изменить треклятую жизнь, «Секс в большом городе» и почему больше не нужны мужчины. – Он понизил голос: – Хелен пытается забеременеть. Шиан пытается устроить ей это с помощью пузырька со спермой, которой поделился их друг гомик. – Он грустно покачал головой. – Где мы ошиблись, Адриан? Мы позволяем им ходить на работу, позволяем принимать сан священника, они водят машины, они даже капитанствуют во флоте, мы покупаем им приборы, которые облегчают домашний труд, но они по-прежнему нас ненавидят. Да они скорее займутся сексом с миксером, чем с женщиной!

Отец пнул одну из моих коробок.

– Не много же ты добра накопил за тридцать четыре года, а?
Когда он ушел, я лег на свою старую кровать и плакал полторы минуты.

Пятница, 15 ноября

Сегодня утром Шиан и Хелен перевезли мой скарб на Крысиную верфь. У меня теперь престижный адрес: Апартаменты № 4, Старый аккумуляторный завод, Крысиная верфь, Гранд-Юнион-канал, Лестер. Обиталище полностью в моем вкусе – очень просторное, грубые доски на полу, голые стены. Словом, жилье настоящего мужчины.

Пока «девчонки» таскали тяжеленные коробки с книгами, я открыл раздвижную дверь, вышел на балкон и покрепче ухватился за стальное ограждение. Внизу плескался канал. К балкону немедленно подплыла банда лебедей и принялась агрессивно шипеть. Самый крупный лебедь, отчего-то напомнивший мне сэра Джона Гилгуда, великого театрального актера, был особенно злобен. Мимо красильни на противоположном берегу, пошатываясь, брел старомодного вида бродяга в брюках, подвязанных бечевкой, и потягивал из банки пиво «Кестрел».

С моего наблюдательного пункта я отчетливо различал на дне канала супермаркетные тележки, коробки из-под молока и сотни банок из-под пива «Кестрел». Вода странно фосфоресцировала и мерзостно пахла. Этого амбре определенно не было, когда я осматривал квартиру в октябре. Я бы с удовольствием постоял на балконе подольше, но признаюсь, дорогой дневник, недобрый взгляд лебединого сэра Гилгуда загнал меня внутрь.

Я поинтересовался у Шиан, что она думает о моем лофте.

Она пожала плечами:

– Будет неплохо, когда покрасите стены и обзаведетесь разными уютными штучками.

Я заявил, что мещанский уют меня не интересует и вообще мне по душе аскетизм, я собираюсь жить, как Махатма Ганди.

Хелен указала на коробку с одеждой:

– Выходит, там набедренные повязки, да?

Напомнил ей, что в набедренной повязке резвился Тарзан, тогда как Махатма Ганди носил дхоти, а это совсем другое дело.

Уходя, Хелен сказала, что, пока они носили коробки со стоянки, за ними следили «чокнутые лебеди». Она посоветовала мне быть осторожным, добавив:

– Знаете, лебедь запросто может сломать человеку руку.

Заплатил им 80 фунтов, хотя денег у меня в обрез. Я был рад, когда они ушли. Мне хотелось поскорее обойти мое новое просторное жилище и насладиться звуком шагов по деревянным половицам.

В ожидании звонка из компании «НТЛ» распаковал книги и разложил их на полу в алфавитном порядке. Лебеди на канале свирепо галдели. Время от времени мимо окна пролетал сэр Гилгуд. Я и забыл, что лебеди умеют летать. У меня возникло жутковатое чувство, что эти птицы шпионят за мной и насмеются из-за того, что мой скарб столь скуден.

В 4 часа позвонил в «НТЛ» и спросил, почему не пришел техник, вопреки договоренности. Девушка на телефоне пообещала перезвонить мне на мобильный, когда свяжется с «эксплуатационниками».

Позвонила Маргаритка узнать, как я провел первый день в новой квартире. Рассказал ей про лебедей.

– Будь осторожен, Адриан, – предупредила она. – Знаешь, лебедь способен сломать человеку руку.

Я, возможно несколько раздраженно, сообщил, что мне сей факт известен с четырех лет.

Маргаритка поблагодарила за письмо и добавила с коротким смешком:

– Оно немного двусмысленное. С одной стороны, ты будто даешь мне от ворот поворот, а с другой стороны... то же самое. – Она опять хихикнула. – Ты ведь не даешь мне от ворот поворот, нет, Адриан?

Почему я не сказал ей правду, дорогой дневник? Почему не сказал, что после общения с ней мир кажется еще мрачнее, чем прежде, словно радость и надежда покинули его навсегда? Маргаритка пойдет завтра после работы.

В 5.30 вечера зазвонил телефон и девушка из «НТЛ» сообщила, что техник пытался ко мне попасть, но на автостоянке его атаковали лебеди. Диспетчерша добавила:

– А вы знаете, что лебедь может сломать человеку руку?

Мы договорились, что завтра утром, в 10 часов, я встречу техника «НТЛ» на автостоянке и сопровожу до моей квартиры.

Ввиду отсутствия кровати я соорудил лежбище из книг и расположился на нем, закутавшись в спальный мешок. Ночь выдалась беспокойной: «Франкенштейн» впивался мне в бок, не давая заснуть.

Суббота, 16 ноября

Я по-прежнему без «НТЛ». Техник отказался выходить из фургона, потому что сэр Гилгуд с сотоварищи разгуливали вокруг автостоянки с видом полноправных хозяев. На прощанье техник сказал:

– А знаете, лебедь может сломать человеку руку.

Встретился на лестнице с владельцем квартиры № 2. Он профессор в университете Де Монфор, читает курс лекций по уходу за лужайками для гольфа. Зовут его Фрэнк Луг. Пожаловался, что от лебедей спасу нет, он даже подумывает продать квартиру и переехать в более сухопутное место.

Посетил универмаг «Дебнемс», где признался приветливой продавщице в мебельном отделе, что у меня нет денег. Она сказала то же, что и моя мать: магазинная карточка решит мои проблемы, а если я активирую карточку прямо сегодня, то получу 10-процентную скидку на все покупки. Четверть часа спустя, наврав про зарплату и показав паспорт вместе с карточкой «ВИЗА», я получил кредит на 10 000 фунтов.

Надо было взять с собой кого-нибудь здравомыслящего. Ну зачем мне белый купальный халат? А белый диванчик с неснимаемыми чехлами – это вправду разумный выбор? И так уж ли мне нужен домашний развлекательный центр с киноэкраном и объемным звуком «долби диджитал»?

Я никогда прежде не спал на футоне, но проверить в магазине постеснялся. И все равно его купил. А еще книжные полки и алюминиевый столик с такими же стульями для балкона, тостер «Дуалит» и кофеварку (последние два предмета совершенно необходимы для жизни в лофте).

После чего я позвонил Шиан и Хелен и попросил, если они свободны, доставить покупки. Договорились, что приедут к четверем.

Пока их ждал, купил черный обеденный сервиз с шестиугольными тарелками, полку для вина и бутылку оливкового масла высочайшего качества – в «Дебнемс» это масло доставляют прямым из оливковой рощи, которая принадлежит близкому другу Гора Видала.

Когда Шиан и Хелен наконец приехали, я сидел среди покупок, будто новоявленный Говард Хьюз, жертва приобретения.

– А я-то думала, у вас проблемы с наличкой, – брякнула Шиан.

Я рассказал ей о магазинной карточке, и Хелен спросила, какой процент я буду выплачивать. Когда я сказал, что 29 процентов, она предложила:

– Бросьте все это здесь, аннулируйте карточку, прыгайте в фургон и сваливаем.

Но, дорогой дневник, я не мог так поступить. Какой смысл жить в лофте, если ты не можешь ходить по деревянному полу в белом купальном халате, сидеть на белом диване в ожидании, пока сварится кофе в кофеварке, а потом отнести кофейник на стильный столик на балконе и вкусить круассан с шестиугольной черной тарелки?

Маргаритка умудрилась разнести лебединое дерьмо по всему сверкающему лаком полу. Она вызвалась вымыть пол и спросила, где я держу швабру и ведро. Когда же я сердито сообщил ей, что пока не обзавелся столь прозаическими предметами, она заявила:

– Знаешь, Адриан, жизнь – это не только белые диваны и оливковое масло высшего сорта.

В качестве подарка на новоселье Маргаритка принесла пучок подвесных перьев, которые она называет «ловцы снов». Очевидно, их предназначение – улавливать мои сны и превращать их в быль. Я не стал говорить Маргаритке, что мне снится один и тот же сон: Пандора Брейтуэйт падает на колени и умоляет меня заняться с ней любовью.

Мы сидели на балконе и пили кофе. На Маргаритке был свитер, почти точно такой же, какой весь прошлый месяц носил ее отец, только попестрее. Вскоре она поехала и сказала:

– Я очень легко простужаюсь. Давай вернемся внутрь.

Немного погодя она спросила, можно ли ей воспользоваться туалетом, и я, как честный человек, предупредил, что ее силуэт будет проступать через стеклянные блоки. Маргаритка вздохнула и сказала, что потерпит до дома. Я понадеялся, что терпеть ей недолго.

Наблюдая, как я распаковываю домашний развлекательный центр, она пришла в ужас от количества упаковочного материала. Когда Маргаритка завела пластинку о вреде пенопласта, я ни с того ни с сего бросился доказывать обратное. Мол, пенопласт – красивый, практичный и легкий материал. Вскоре мы уже ожесточенно спорили о земных ресурсах. В этом споре каким-то образом всплыло мое письмо от 12 ноября, которое Маргаритка процитировала слово в слово.

Свой монолог она завершила словами:

– Рано или поздно все мои парни присылали мне подобное письмо.

Она взяла кусок пенопласта и принялась крошить его. Как назло, сквознячок погнал крошки по полу. Тут бы и заявить ей, что я больше не желаю ее видеть. В конце концов, я начинаю совсем новую жизнь! Но мужество покинуло меня, и я словно со стороны услышал, как принимаю приглашение на воскресное чаепитие с ее родителями у них дома.

Звонила Роза, умоляла выслать ей минимум 200 фунтов. Наркодилер, поставивший наркотики Саймону, грозит перебить ему ноги. Был с нею откровенен: у меня долгов на тысячи фунтов.

Потом спросил, как продвигается ее диссертация.

– Задолбал! – огрызнулась Роза.

Значит, никак.

Посоветовал ей вычеркнуть Саймона из жизни.

Она вздохнула:

– Не могу, я ему нужна. Никто другой не станет с ним возиться. Прошлую ночь он провёл в полицейском участке, потому что украл из университетского бара коробку для сбора пожертвований в пользу Общества защиты детей.

Воскресенье, 17 ноября

Еще одна беспокойная ночь – теперь на новом футоне. Не привык я спать так низко. Проснулся в 5 утра и целый час переживал из-за чаепития у Крокусов. Затем прочел полглавы автобиографии Джона Мейджора. Безотказное снотворное.

В следующий раз меня разбудил голос отца:

– Кыш, отродье, кыш!

Отца визгливо увещевала мама:

– Джордж, Джордж, не зли их! Лебедь может сломать человеку руку.

Надев белый халат, я вышел на балкон и глянул вниз. Лебеди окружили родителей, медленно продвигавшихся по дорожке вдоль канала. Отец отбивался от лебедей свернутыми в трубочку «Новостями мира», словно это была рапира, а он граф Монте-Кристо. Когда я вышел на балкон, лебеди отступили и перегруппировались. Сэр Гилгуд уставился на меня. Клянусь всеми святыми, эта тварь усмехалась! И за что он на меня взъелся?

Подошвы родительской обуви были уляпаны лебединым дерьмом, поэтому я потребовал, чтобы они разулись у двери.

Они молча обошли квартиру, а затем отец спросил:

– 190 000 фунтов вот за это?! За одну большую комнату со стеклянным сортиром?!

– Постелешь ковры – и все будет нормально, – утешила меня мама.

Они закурили, но я сказал им, что в квартире курить запрещено, и вывел их на балкон. Сильный ветер ерошил лебединые перья.

Мама вручила мне открытку с лунным пейзажем. И что мне с ней делать, недоумевал я, пока не перевернул открытку. Она оказалась от Гленна – с Тенерифе.

Дорогой папа

Мы с парнями класно приводим время. Тут жуткая жара и я стал весь коричневым. Позвонила мама. Сказала ты подрался в магазине с Райаном. Надеюсь ты хорошо ему врезал папа. Не растраивайся что я не поехал с тобой отдыхать. Скоро я отправляюсь на Кипр вместе с армией. Ха-ха-ха.

*С наилучшими пожеланиями
твой сын Гленн*

Я приготовил кофе, вынес его на балкон.

– Полин, видишь вон тот горбатый мостик? – говорил отец. – Под этим мостом я потерял девственность с Джин Арбатнот. Мне было семнадцать, и чувствовал я себя в тот вечер так, словно выиграл в футбольный тотализатор.

– Ты использовал презерватив? – спросила мать.

– Презерватив? – удивился он. – В пятидесятые никто об этом не думал.

– Странно, что она не забеременела, – сухо обронила мама.

– Мы занимались этим стоя, Полин, – объяснил отец, будто малому ребенку. – Нельзя забеременеть, если ты занимаешься этим стоя, с первого раза нельзя.

Закончив курить, они огляделись в поисках пепельницы и, не найдя таковой, щелчком швырнули окурки в канал.

Мама помогла мне собрать и подключить развлекательный центр, а отец читал «Новости мира», то и дело возмущаясь половой распушенностью современной молодежи.

Когда он собрался в туалет, я, как обычно, предупредил о прозрачных стенках.

Но папа отмахнулся:

– У меня нет ничего такого, чего твоя мать и ты раньше не видели.

Я все же отвернулся, но не мог не слышать оглушительного звука струи. Мой отец мочится, испражняется, кашляет, чихает и рыгает громче любого другого человека на свете. Как мама это терпит, ума не приложу.

Когда развлекательный центр подключили, а колонки расставили, я достал диск с «Призраком оперы». По случайности громкость была выведена на максимум, и вступительный вопль Сары Брайтман едва не сбил нас с ног. Я поспешил уменьшить звук, но пол все равно вибрировал, а стеклянные блоки туалета позванивали. Профессор Луг, живущий этажом ниже, забарабанил мне в пол. В квартире сверху барабанили в потолок. На меня дохнуло присутствием соседей, и я почувствовал себя крайне неудобно.

Мама сообщила, что вчера им позвонила Роза.

– Ну и как она? – спросил я.

– Чудесно! – Мамино лицо расплылось в широчайшей улыбке. – Она почти закончила диссертацию и встречается с замечательным парнем по имени Саймон. Ей нужно двести фунтов, чтобы купить новый принтер, распечатать диссертацию.

Как мало родители о нас знают! Интересно, мои дети тоже мне лгут?

Незадолго до ухода отец рассказал, что поставил на то, что Ханс Бликс, главный инспектор вооружений ООН, не найдет в Ираке оружия массового поражения.

Мама насмешливо заметила:

– У дураков денежки не задерживаются. Тони Блэр наверняка знает что-то такое, чего не знаем мы. У него в руках секретные документы, Джордж. Он читает доклады спецслужб. Контактирует с МИ-5, МИ-6, ЦРУ, ФБР, Моссад и Рупертом Мёрдоком.

Отец рассмеялся:

– Помнишь, как мы лгали Адриану насчет зубной феи, Полин? Лишь в одиннадцать лет он выяснил, что это я кладу ему фунт под подушку, а не чертова фея.

– Ну и что с того? – холодно осведомилась Полин.

– А то, – заорал отец, – что люди, которым мы доверяем, нам лгут! Взять хотя бы Джеффри Арчера.¹⁷

Прежде отец был большим поклонником Арчера и счел себя преданным, когда выяснилось, что тот солгал на своем первом процессе.

Только я притормозил у дома Крокусов, как навстречу мне выскочила Маргаритка.

Она нервно зашептала:

– Не говори, что ты живешь на чердаке. Что твои родители курят. Что у тебя сын в армии. И что ты когда-то готовил потроха в Сохо. И пожалуйста, пожалуйста, ничего не говори про Мексику.

---

¹⁷ Британский политик и известный писатель, автор политических триллеров, был осужден на два года тюрьмы за лжесвидетельствование.

Я удивленно ответил, что никогда не бывал в Мексике, не знаю ни одного мексиканца и не говорю по-мексикански, поэтому крайне маловероятно, чтобы я «затронул вопрос о Мексике». А еще я сказал, что, похоже, мне не удастся вымолвить ни слова – столько запретных тем.

– Говори о книгах и о том, какая я восхитительная, – посоветовала Маргаритка.
С тяжелым сердцем и Маргариткой, висящей у меня на руке, я переступил порог.

По дороге на заправке «Бритиш Петролеум» я купил для Нетты букет. Принимая его, она сказала:

– Как мило, букет из садовых цветов. Наверняка я смогу оживить их, если немедленно поставлю в воду. Прошу меня извинить.

И она унеслась с букетом, словно торопилась в реанимацию, чтобы подключить цветочки к аппарату искусственного кровообращения и вентиляции легких.

Майкл Крокус сидел у себя в кабинете, притворяясь, будто целиком поглощен изучением фолианта в кожаном переплете и не слышит, как Маргаритка стучит в приоткрытую дверь. Я вошел следом за Маргариткой. Свитер с деревьями выглядел изношенным. Мистер Крокус сдвинул очки на лоб и встал.

– Вы застigli меня в моем логове, молодой человек, – сказал он. – Я как раз смотрел значения слова «моул». Получается, Адриан, что «моул» – это подземное животное, передние лапы которого покрыты волосами; пятнышко на коже; мясистый нарост в матке; бухта, защищенная волнорезом, а также «крот» – шпион, внедрившийся в некую организацию и заслуживший полное доверие. Что из этого относится к тебе?

В окно кабинета я увидел, как Нетта швырнула половину только что купленных цветов на огромную компостную кучу.

Спасла положение Маргаритка.

– Думаю, Адриан – скорее шпион, – хихикнула она. – У него столько секретов.

– Напротив, Маргаритка, моя жизнь – открытая книга, – возразил я.

– Так-так, книги, – прогудел Крокус. – Маргаритка говорит, что ты работаешь на этого старого греховодника Хью Карлтон-Хейеса.

Я вспомнил доброе лицо мистера Карлтон-Хейеса, его кардиганы, пушистый венчик седых волос и счел своим долгом встать на его защиту.

– Мистер Карлтон-Хейес – самый порядочный из известных мне людей, – заявил я.

Крокус осклабился:

– Ладно, погожу разрушать твои иллюзии, Адриан.

Внезапно в комнату ворвалась угрюмая девица с необычайно длинными волосами и в футболке с надписью «Сука».

– Велено звать к чаю, – процедила она.

Это была Гортензия, средняя сестра Маргаритки. Она вернулась на время в отчий дом, дабы прийти в себя после неудачного романа с коллегой, учителем математики.

Меня провели в гостиную, усадили и представили кошкам – Шафранке и Лютику.

Волос длиннее, чем у Гортензии, я в жизни не видал. Должно быть, она отращивала их лет с двенадцати. Она беспрестанно теребила свои волосы, рассыпала по плечам, откидывала назад, садилась на них, заматывала в узел и тут же роняла тяжелой волной. Я понимал, что от меня ждут комплиментов этим нелепо длинным волосам, – похоже, Гортензия считала длинноволосость квинтэссенцией своей индивидуальности. Но я не смог заставить себя выдать хоть слово.

Маргаритка выразительно поглядела на меня:

– Гортензии требуется четыре с половиной часа, чтобы высушить волосы.
В ответ я лишь слегка кивнул.

Выбор чая оказался богатый: яблоки с ежевикой, крапива, мята перечная, базилик и чай из бурачника.

– Мы сами выращиваем и сушим травы. В них нет ни добавок, ни консервантов. Все экологически чистое, – угощала Нетта.

Мне вручили тарелку с непропеченными коричневыми кусками не пойми чего. Оказалось, это лепешки, которые Нетта испекла из муки, смелотой меж каменными жерновами. Муку эту ей доставляют с ветряной мельницы в Соммерсете.

– Мы стараемся питаться как в Средние века, – пояснил Майкл Крокус, – тогда с продуктами еще не химичили.

Я был очень голоден и отдал бы все за «Ледяную фантазию» от «Мистера Кипплинга».¹⁸ Однако лепешку взял и надкусил. Вкус был такой, словно ее испекли в 1307 году от Рождества Христова – на костерке из хвороста и сухих коровьих лепешек.

Разговор перекинулся на отсутствующую Георгину, старшую сестру Маргаритки. Неделию назад она прислала письмо, в котором проклинала родителей за свое несчастное детство.

– Бедняжка Георгина, – покачал головой Майкл Крокус, – она всегда была странным ребенком.

Нетта, Маргаритка и Гортензия принялись на все лады склонять Георгину, лондонскую пиарщицу.

И чем больше они ее склоняли, тем сильнее она мне нравилась. Выходило, что Георгина губит свое здоровье, бегая по театральным премьерам и книжным презентациям в одежде, едва прикрывающей тело, и на пятидюймовых каблуках.

Майкл Крокус опять покачал головой.

– *Тикая* пустая жизнь, – вздохнул он. И приступил к допросу: – Мы так мало о тебе знаем, Адриан. Расскажи о своей семье.

Я рассказал, что Сагдены, мамыны предки, выращивали картофель в Норфолке.

– Да-да, в тебе есть что-то посконное, – вставил Крокус.

– А предки моего отца были фабричными чернорабочими в Лестере, – добавил я.

– Здесь нечего стыдиться! – подбодрил меня Крокус.

Я ответил, что и не думал стыдиться.

– Мы можем проследить наших предков до времен Великой хартии вольностей, – похвастался Крокус. – А насколько глубоко уходит история вашего рода?

Не знаю, что меня дернуло, дорогой дневник, но как только эти слова сорвались с моего языка, я тут же о них пожалел, особенно когда увидел расстроенное лицо Маргаритки. Меня оправдывает только то, что я был страшно раздражен и очень хотел выбить Майкла Крокуса из седла.

– Сагдены были йоменами,¹⁹ они упоминаются в Книге судного дня, – проговорил я, – Моулы же, по преданию, происходят от мексиканских беженцев, спасавшихся от религиозных преследований, в Англию они прибыли обратным рейсом на «Мей-флауэре».

Крокус дернул себя за бороду и пробормотал:

– Мексиканцы! – После чего резко встал и вышел из комнаты, обронив: – Самое время дрова колоть.

---

¹⁸ Известная компания, производящая всевозможную выпечку, один из лидеров кондитерской отрасли Британии.

¹⁹ Английские крестьяне, наиболее зажиточные из них были упомянуты в Книге судного дня – своде всех имений и замков, который распорядился составить Вильгельм Завоеватель.

Маргаритка молча проводила меня до машины.
Перед тем как я тронулся с места, она сказала:
– Это жестоко с твоей стороны. «Мейфлауэр» не совершал обратного рейса.
Просунув тонкие пальчики под стекла очков, она вытерла глаза.
Я извинился и опять услышал словно со стороны, как назначаю Маргаритке свидание.

Я катил по холмам Лестершира, размышляя о мистере Карлтон-Хейесе. Мне ничего не ведомо о его личной жизни. Изредка он упоминает Лесли, самого близкого ему человека. Но я понятия не имею, Лесли – это мужчина или женщина.

На парковку у Крысиной верфи я въехал в темноте, но белый силуэт сэра Гилгуда отчетливо виднелся в сумраке. Лебедь следил из камышовых зарослей, как я выскакиваю из машины и со всех ног несусь ко входу в старый аккумуляторный завод. По-моему, эта птица питает нездоровый интерес к моим перемещениям.

Понедельник, 18 ноября

Шел на работу по дорожке вдоль канала. Лебеди куда-то попрятались, зато повсюду мельтешили крысы. Я даже вообразил себя Дудочником из Гаммельна.

Вторник, 19 ноября

Мы наводили порядок в секции «Путешествия», и между делом я спросил мистера Карлтон-Хейеса, есть ли у него дети. Сын Мариус, ответил он, находится в закрытой психиатрической больнице, а дочь Клодия работает в Эфиопии, распределяет продукты питания от имени ЮНИСЕФ.

– Мы с Лесли очень ими гордимся, – сказал он и тихо добавил: – Обоими.
И опять я не понял: Лесли – это мать его детей или родственная душа мужского пола.

Вечером с неожиданным визитом явился Парвез. Открыв дверь, я обнаружил его на пороге – запыхавшегося и потного. От автостоянки он бежал во всю прыть, преследуемый «жутко огромным белым существом».

Наверное, это был лебедь сэр Гилгуд, предположил я.
– Лицо не юридическое, – пробормотал Парвез.

Оглядев квартиру, он похвалил мебель, а потом задал типично бухгалтерский по своей бестактности вопрос. Пришлось расколоться, что у меня есть магазинная карточка.

Парвез театрально хлопнул себя по лбу:
– Где она?

Я достал карточку из бумажника. Парвез порылся в кармане, извлек швейцарский армейский нож, раскрыл миниатюрные ножницы и разрезал карточку пополам со словами:
– Когда-нибудь ты скажешь мне спасибо.

Я умолчал, что на карточке оставалось всего 89 фунтов, а мой долг универмагу «Деб-немс» составляет 9911 фунтов.

Парвез поинтересовался, собираюсь ли я на вечер выпускников школы имени Нейла Армстронга в ближайшую субботу.

Я ответил, что меня туда на аркане не затащат и что мысль о встрече с такими идиотами, как Умник Хендерсон, наполняет меня ужасом.

У меня теперь каждый пенни на счету, поэтому я написал в «Закат Лимитед» с требованием немедленно выслать чек на сумму 57,10 фунта, пригрозив судебным разбирательством. Британия, отметил я в письме, вот-вот вторгнется в Ирак на том основании, что Саддам Хусейн располагает оружием массового поражения. Какие еще доказательства и справки им нужны?

Среда, 20 ноября

Полнолуние.

После работы повел Маргаритку в ресторан «У Вонга». На ней было что-то типа гигантского детского комбинезона из розовой ворсистой шерсти.

Уэйн Вонг спросил, пойду ли я на вечер выпускников школы имени Нейла Армстронга.

Ответил, что у меня другие планы. Маргаритка улыбнулась и стиснула мне руку.

– Из Лондона приедет Пандора, – продолжал Уэйн. – Вручит медаль за многолетнюю службу нашей мисс Фоссингтон-Гор, она в этом году уходит на пенсию. И Барри Кент тоже прикатит. Он подарил школе микроавтобус.

Маргаритка оживилась:

– Не тот ли это Барри Кент, знаменитый писатель и поэт?

– В школе Адриан корешился с Барри, – сказал Уэйн.

– Всего одну неделю, – уточнил я.

– Мне так нравятся его книги, – выдохнула Маргаритка. – А его стихи я знаю наизусть! Как ты думаешь, он подпишет мне свои книжки, если ты его попросишь?

Я пробормотал, что, может, и подпишет, если мы с ним встретимся.

– Но мы ведь пойдем на этот вечер, да? – не унималась Маргаритка.

Это «мы» мне очень не понравилось. Не желаю предъявлять Маргаритку моим друзьям, особенно Пандоре.

Сказал, что в субботу вечером собираюсь поработать над своей книгой «Слава и безумие». Разумеется, я солгал. Ничто на свете не способно удержать меня от встречи с Пандорой, даже если придется общаться с ней в компании дряхлеющих одноклассников.

Отвез Маргаритку домой. Она сидела, отвернувшись к окну, хотя смотреть там было не на что. То и дело всхлипывала и сморкалась. Наконец я не выдержал и спросил, не плачет ли она.

– Я не знакома ни с кем из твоих друзей, – всхлинула она. – Ты меня стыдишься?

– Ты же знакома с Уэйном Вонгом, – возразил я.

– Только потому, что тебе нравится китайская кухня и он дает тебе десять процентов скидки. А когда ты познакомишь меня с твоими родителями? – наседала Маргаритка.

– Тебе вредно с ними знакомиться, дорогая. Они оголтелые курильщики.

– Я прихвачу с собой ингалятор.

Я был настороже и на вопрос, когда и где мы встретимся в следующий раз, ответил весьма туманно.

Четверг, 21 ноября

Сегодня утром проснулся от страшного грохота – разбирали и грузили в машину строительные леса. Соседнее здание вот-вот оживет. По дороге на работу я прошел мимо и обнаружил вывеску над одной из дверей – «Касабланка». С виду похоже на ресторан.

Спросил одного из строителей, на какой день намечено открытие.

– С того дня уж два месяца уткло, – ответил он.

Все-таки цинизм британского рабочего класса меня крайне удручает.

Пятница, 22 ноября

Отправил Умнику Хендерсону который организует вечер выпускников, СМСку о том, что в субботу вечером я приду и готов выложить 10 фунтов на закуски и подарок мисс Фоссингтон-Гор.

Позвонил Гленн. Его отправляют на секретный объект, где ему предстоит пройти спецподготовку для боевых действий в условиях пустыни.

Я спросил, в Англии ли он. Гленн ответил:

– Да. Но больше я ничего сказать не могу. Еще он сообщил, что Райан по-прежнему грозит взгреть меня.

– Спасибо, что предупредил, Гленн, – саркастически отозвался я.

– Да не за что благодарить, пап. Просто подумал, что тебе надо об этом знать. – После чего Гленн попрощался: – Спокойной ночи и благослови тебя Господь.

Из любопытства я набрал 1471, автоответчик сообщил мне номер, с которого звонил Гленн, и я тут же его набрал. Трубку сняли после нескольких гудков: «Казармы «Тыловик»». Вот тебе и секретность!

День в магазине выдался напряженный. Некоторые уже начали закупать подарки к Рождеству. Я продал «Рождественскую песнь»²⁰ за 25 фунтов, а мистер Карлтон-Хейес купил экземпляр «Сенсации» за 30 фунтов у старика, который распродает свою коллекцию изданий Ивлина Во, чтобы оплатить счет за газ.

Спросил мистера Карлтон-Хейеса, откуда у Майкла Крокуса такое отвращение к Мексике. Тот тихо рассмеялся и рассказал, что Кончита, первая жена Крокуса, была мексиканкой, она не смогла прижиться в Лестершире и сбежала обратно на родину с соседом-колбасником.

Суббота, 23 ноября

Не знаю, что надеть на встречу выпускников. Обратился за советом к Найджелу.

– Надень то, в чем чувствуешь себя удобно, Моули, – изрек он.

Ответ меня не удовлетворил. А если мне неудобно в любой одежде? И дело тут не в размере или ткани. Дело в стиле. Кто я? И что хочу о себе заявить?

Тогда я спросил Найджела, что наденет он сам.

– «Пола Смита», – ответил он.

---

²⁰ Рассказ Ч. Диккенса.

Похоже, у Найджела серьезные планы на вечер. Нужно срочно найти дизайнера, одежда которого соответствовала бы складу моей личности.

После долгих колебаний надел темно-синий костюм из магазина «Некст», белую рубашку и красный шелковый галстук. Челку я подровнял маникюрными ножничками и щедро оросил себя жидкостью после бритья «Босс».

По дороге заехал за Найджелом. С тоской наблюдал, как он бродит по бабушкиному флигелю, разыскивая ключи, пальто и белую трость, которой Найджел стал пользоваться после того, как едва не упал в траншею, вырытую рабочими. Помогать я ему не стал, поскольку неоднократно слышал по радио рассказы слепых о том, как они ненавидят, когда люди что-нибудь делают за них.

После томительных и бесплодных поисков Найджел крикнул:

– Господи, Моули, да помоги же!

В машине я сказал Найджелу, что ему пора привыкать к порядку и учиться класть вещи в одно и то же место. Спросил, каково его финансовое положение теперь, когда у него нет никаких доходов.

Найджел ответил, что живет на пособие по инвалидности. Решил подбодрить его шуткой:

– Значит, прощай «Пол Смит» из Ковент-Гардена и здравствуйте «Маркс и Спенсер» из Лестера?

Найджел даже не улыбнулся. Видимо, вместе со зрением он утратил и чувство юмора.

Я помог ему выбраться из машины и провел к актовому залу школы. Он шаркал ногами и спотыкался о трость, а один раз рывкнул:

– Ради бога, помедленней. Ты тащишь меня так, будто я мешок с мусором.

У дверей актового зала нас приветствовал лысый старик в очках типичного «ботаника» и костюме, какие носят чокнутые ученые в идиотских комедиях. Это был Умник Хендерсон, в тридцать пять лет он окончательно отстал от жизни.

Мы заплатили по 10 фунтов, и Хендерсон выдал нам лотерейные билеты. В качестве первого приза разыгрывалась экскурсия в палату общин и чай на террасе с Пандорой. Вторым призом было первое издание романа «Аден Воул» Барри Кента с автографом автора. В качестве третьего приза фигурировал плюшевый медведь невероятных размеров, представленный Элизабет Салли Стаффорд (урожденная Бродвей), которая теперь возглавляет собственную компанию по оформлению интерьеров.

Некоторые мои бывшие одноклассники изменились до неузнаваемости. Клэр Нильсон, у которой когда-то была копна светлых кудрей и сочные губы, превратилась в напряженную, нервную дамочку из тех, что поминутно поглядывают на часы и громко вопрошают: «Интересно, легли ли дети спать?»

Из-за передвижной дискотеки «Фанки-джанки» помахал рукой Крейг Томас. На нем была бейсболка, нахлобученная задом наперед. Он единственный отплясывал под «Билли Джин» Майкла Джексона.

У импровизированного бара Барбара Бойер и Виктория Луиза Томпсон перемывали косточки Пандоре, утверждая, что она ничегошеньки не сделала для женщин за все время, пока находится у кормила власти.

Увидев нас с Найджелом, они взвизгнули:

– Ади! Найджи!

И бросились нас обнимать. Я спросил Викторину Луизу, чем она занимается.

– Выхожу замуж за все более древних стариков, зайка, – хихикнула она.

Сейчас Виктория Луиза разводится с третьим и собирается за четвертого. Чуть позже я услышал, как она говорит:

– Не могу припомнить, когда я в последний раз чистила овощи. Кажется, в 1995-м.

Барбара Бойер была вне конкуренции, она самая красивая среди бывших одноклассниц. Раньше Барбара работала медсестрой в сердечно-сосудистом отделении Королевской больницы, но сейчас учится на теплотехника.

– Все те же трубы, насосы и клапаны, – сказала она, – только зарплата в два раза выше.

– Приходи в любое время и прочисти мою трубу, – игриво предложил я.

Видимо, она меня не услышала, потому что внезапно отвернулась и проткнула зубочисткой свиную сардельку.

За угловым столиком расположилась компания пожилых людей.

– Ты только посмотри на них! – воскликнула Клэр. – И как это потрепанное склеротическое старичье умудрялось вселять в нас страх божий?

Старики были нашими учителями: мисс Фоссингтон-Гор (география), мистер Джонс (физкультура), мисс Эльф (театр), мистер Док (английский). С ними сидел нынешний директор Роджер Терпит, который когда-то предсказал, что из Гленна «никогда не выйдет толка».

Мистер Док с вождением поглядывал в сторону бара, я поманил его и угостил полпинтой пива. Он обрадовался, узнав, что я работаю у мистера Карлтон-Хейеса.

– Я помню вас, Моул, – сказал он. – Вы были единственным из моих учеников, кто плакал, когда Ленни убил девочку в книге «О мышах и людях».

Найджел язвительно заметил:

– У Моули вообще глаза на мокром месте. Читая «Больницу для животных», он непрерывно рыдал, особенно бурно из-задохлого хомяка.

Я проводил мистера Дока к его столику и поболтал с учителями.

Мистер Джонс сказал, что не помнит меня. Я объяснил, что в те дни, когда у нас была физкультура, я обычно болел.

– Не ты один, – махнул он рукой.

– А еще моя собака поймала мяч и сбежала с ним за пять минут до конца футбольного финала между школами Лестершира и Бедфордшира, – продолжил я.

– Ах да, теперь припоминаю! – воскликнул мистер Джонс. – Однажды ты принес записку якобы от матери: «Адриан подцепил диарею через дырки в башмаках».

О, как смеялись престарелые педагоги!

– А «диарею» он хотя бы правильно написал? – поинтересовался мистер Док.

– Откуда мне знать? Я преподаю физкультуру, – пожал плечами мистер Джонс.

К 9.30 вечера народ начал понемногу прибывать, сэндвичи на буфетной стойке успели слегка обветриться, а под песенку Бой Джорджа «Ты правда хочешь меня обидеть?» уже отплясывало с десяток человек.

Найджел находился в центре внимания. Его осаждали сочувствующие женщины, предлагали прибраться в его флигеле, постирать и погладить.

С автостоянки донесся автомобильный гудок, и Умник Хендерсон заорал, перекрывая музыку:

– Пошли смотреть на новый микроавтобус!

За рулем белого микроавтобуса сидел Барри.

Кент с бритой башкой и в кожанке, увешанной тяжеленными серебряными цепями. Из салона выглянул двухметровый детина и пробасил:

– Просьба держаться подальше от мистера Кента. Они не любят, когда их трогают. И никаких фото. Они не любят огласки.

Вызвали Роджера Терпиша, после чего состоялась короткая неуклюжая церемония, во время которой Барри Кент передал директору школы ключи и техпаспорт.

А затем оба деятеля разразились невероятно лицемерными речами.

Барри Кент провозгласил, что годы, проведенные в школе имени Нейла Армстронга, были самыми счастливыми в его жизни.

А Терпиш заявил, что Барри Кент «по всем меркам был непростым, но блестящим молодым человеком, прославившим нашу школу». После чего Терпиш сел за руль микроавтобуса и завел двигатель.

Умник Хендерсон просунул свою огромную башку в окно со стороны водителя и осведомился:

– Мистер Терпиш, а вы сдали экзамен на вождение микроавтобуса?

Тот признался, что нет, и убрал ногу с педали.

Пандора сообщила мне по мобильнику, что она на развязке № 21 и скоро будет.

– Пожрать что-нибудь осталось? – спросила она. – Я умираю с голоду.

Я ответил, что местные закуски приказали долго жить, и предложил вместе поужинать, после того как она исполнит свой общественный долг. Неопределенно хмыкнув, Пандора отключилась.

На спортплощадке под навесом для велосипедов курили Уэйн Вонг, Парвез и Виктория Луиза. Я присоединился к ним, и мы от души посмеялись над короткими штанами Умника Хендерсона, бородой и усами мисс Фоссингтон-Гор и жалкой дискотекой Крейга Томаса.

Серебристый «сааб» Пандоры влетел на автостоянку, швыряясь гравием. Я поспешил открыть дверцу. Пандора не сразу вышла из машины – сначала причесалась и подкрасила губы.

Я заметил, что у нее усталый вид.

– Вот спасибо на добром слове, – буркнула она.

Выбравшись из машины, Пандора напрямиком направилась к курильщикам.

– Надо курнуть перед встречей со старухой Фоссингтон-Гор, – объявила она.

Пробегавший мимо Умник Хендерсон посоветовал управиться с чувством мисс Фоссингтон-Гор как можно быстрее, потому что сторож намерен выгнать всех к 11 часам.

– Да без проблем, – отозвалась Пандора.

Она задушила сигарету «Бенсонс и Хеджес» о велосипедную стойку, и мы направились в зал.

«Сексотерапия» выгнала народ на танцпол. Когда в зал вошла Пандора, поднялся возбужденный ропот, Роджер Терпиш даже прекратил лебезить перед Барри Кентом и выскочил вперед, дабы официально приветствовать Пандору.

Умник Хендерсон подбежал к мобильной дискотеке и велел Крейгу Томасу вырубить Марвина Гея. Затем повернулся к публике и звякнул вилкой о край бокала. Воцарилась тишина.

Умник вывел на сцену Пандору, Роджера Терпиша и мисс Фоссингтон-Гор. Там, на пластиковом столе, лежала большая коробка в подарочной упаковке.

Все захлопали, кое-кто засвистел, а Барри Кент залихватски крикнул, будто ковбой на rodeo, умиротворяющий необъезженную конягу.

Роджер Терпиш принялся расхваливать Пандору: и говорит-то она свободно на пяти языках, в том числе на русском и китайском (будто мы этого не знали!), и Оксфорд окончила

с отличием по двум специальностям, избиралась в нашем округе в парламент от лейбористов, заняла пост помощника министра охраны окружающей среды. Все это величайшие достижения, но главные успехи Пандоры впереди – недавно «Дейли телеграф» намекнула, что Пандора вполне может стать первой в Британии женщиной премьер-министром от Лейбористской партии.

– Так что берегись, Гордон Браун!²¹ – закончил свою речь Терпиш.

Раздался вежливый смех. Затем слово взяла Пандора. В пиджаке от Лорен Бэкол и в брюках, похожих на мужские, она выглядела величественно.

– Позвольте говорить без обиняков, – начала Пандора. – Если бы не мисс Фоссингтон-Гор, вдохновенный преподаватель и мудрая наставница, меня бы здесь сегодня не было... во всяком случае, в качестве члена парламента и помощника министра. Именно мисс Фоссингтон-Гор, услышав, что я хочу податься в модели к Баленсиага, сказала: «Но я уверена, что ты способна на большее, детка».

Мисс Фоссингтон-Гор скромно потупилась.

Еще минут пять Пандора распиналась о себе и своих достижениях. Затем взяла со стола коробку и вручила ее мисс Фоссингтон-Гор:

– Не сомневаюсь, эта вещь будет замечательно смотреться на вашей каминной полке. Пусть каждый час, каждая минута вашего заслуженного отдыха станет незабываемой.

Мисс Фоссингтон-Гор вытянула из рукава трикотажного костюма крошечный носовой платок, высморкалась и сказала:

– Выпуск восемьдесят третьего года оказался выдающимся. В этом классе училась не только Пандора Брейтуэйт, но и Барри Кент. И давайте не будем забывать об Адриане Моуле, чья телепередача «Потрохенно хорошо!» мне так нравилась. А прежде чем открыть коробку, я хочу сказать несколько слов о Найджеле. – Она махнула платком в сторону Найджела, который сидел, опершись обеими руками о трость, в позе стариков из греческих кафе. – С каким потрясающим мужеством он держится, несмотря на то что его зрение продолжает ухудшаться!

Я взглянул на Найджела. Тот явно матерился сквозь зубы. Публика заплодировала и затопала, подбадривая Найджела.

Затем мисс Фоссингтон-Гор, убежденная вегетарианка, одиноко проживающая в однокомнатной квартирке, не без труда распечатала коробку, из которой извлекла гриль «Джордж Формен» семейного размера. Хорошее воспитание и многолетний опыт по части подавления эмоций спасли ситуацию. Мисс Фоссингтон-Гор тепло поблагодарила собравшихся за доброту и щедрость.

Когда Найджелу рассказали, что было подарено училке, он язвительно рассмеялся:

– А эта штукавина поместится на каминной полке?

На сцену пригласили Барри Кента, чтобы провести лотерею. Он превратил эту немудреную затею в действо, близкое к зажжению олимпийского огня. Клэр Нильсон, сгонявшая домой проведать детей, выиграла плюшевого медведя. По жестокой иронии судьбы, второй приз выиграл Найджел, а первый приз, к изрядному возмущению Пандоры, достался Умнику Хендерсону.

После лотереи Барри Кент умчался в аэропорт, крикнув на прощанье, что ему надо встретить издателя из Амстердама.

Я поражен, дорогой дневник, сколь сильную неприязнь я до сих пор питаю к Барри Кенту и сколь пылко желаю его краха.

---

²¹ Министр финансов в британском правительстве. Считается, что именно Браун сменит Тони Блэра на посту лидера Лейбористской партии.

Когда в зал, гремя ключами, вошел школьный сторож, Крейг врубил «Каждый твой вдох» и объявил, что это последний танец. Я спросил Пандору, не хочет ли она потанцевать со мной, и, к моему удивлению, она согласилась.

На высоких каблуках она чуточку выше меня, но я достиг того возраста, когда это обстоятельство уже не имеет такого значения, как раньше.

Я подпевал Стингу – «Тебе не скрыться от меня!» – пока Пандора не велела мне заткнуться. Правда, в кои-то веки она не пыталась вести в танце, и я таскал ее по залу, куда мне вздумается.

Признаю, я по-прежнему люблю ее до безумия. Я отравлен ею навсегда и обречен сравнивать всех моих девушек с Пандорой. Она – женщина «десять баллов из десяти», тогда как Маргаритка, увы, наберет не более двух с половиной, ну в лучшем случае три.

Поинтересовался, как насчет ужина в кругу близких друзей в «Императорском драконе», где Уэйн Вонг предоставит нам 10-процентную скидку.

Пандора усмехнулась:

– Все такой же скупердяй?

– Напротив, – возразил я, – только что ухнул аж десять тысяч фунтов на обстановку для моего нового лофта на Крысиной верфи.

Пандора удивила меня второй раз за вечер, согласившись поужинать с нами.

Пандора, Найджел, Парвез, Барбара, Виктория Луиза и я закатили самый настоящий императорский банкет. Мы устроились за большим круглым столом. Я сидел между Найджелом и Пандорой. Официанта Кита Вонга, брата Уэйна, я попросил принести Найджелу вилку с ложкой вместо палочек, чтобы облегчить ему жизнь, ведь он почти ослеп.

К моему изумлению, Найджел взбесился и потребовал вернуть палочки.

– Не суй нос в чужие дела, Моул! – прошипел он, повернулся ко мне спиной и завел с Парвезом разговор о своих финансах.

– У тебя положение не столь плачевное, как у Адриана, – резюмировал Парвез. – Адриан по уши в долгах.

– Парвез, – вмешался я, – разве бухгалтеры не дают обет молчания, или клятву Гиппократу, или что там еще? Мои финансы – не самая подходящая тема для разговора за столом.

Барбара Бойер попросила Пандору рассказать, какие «на самом деле» Тони и Шери.

– Про Блэров ни слова, – отказалась та. – Вы же знаете, Адриан ведет дневник.

– Не смей писать обо мне, – с угрозой в голосе вставил Найджел.

– Размечтался! – парировал я и обратился к Пандоре: – Можешь смело доверить мне свои секреты. Мой дневник не предназначен для публикации.

– Ага, то же самое говорил этот гнусный дворецкий Пол Баррелл. А теперь торгует тайнами принцессы Дианы почему зря.

– К тому же, – снова встрял Найджел, – кому интересен дневник провинциального ничтожества?

Я схватил с вращающегося подноса креветочное печенье и впился в него зубами, чтобы никто не заметил, сколь крепко обидело меня его замечание.

В 11.45 вечера зазвонил мой мобильник – Маргаритка пожелала узнать, как продвигается работа над книгой. К несчастью, именно в этот момент Кит Вонг затеял перемену блюд. Он орал во всю глотку:

– Кому фу-сунь? Кому водоросли? Тосты с креветками? Пирожки? А вот и ребрышки в пикантном соусе!

– Где ты? – заинтересовалась Маргаритка.

Я хотел солгать, мол, это телевизор надрывается, но Маргаритка в курсе, что «НТЛ» еще не подключила меня в сеть, поэтому пришлось сказать правду.

Тут Пандора расхохоталась какой-то шутке Парвеза.

– С кем ты? – насторожилась Маргаритка.

Пандора нагнулась ко мне:

– Ади, дорогой, как насчет пикантного?

– Кто это? – испугалась Маргаритка.

Я выбрался из-за стола и отошел к аквариуму. К стеклу подплыл жирный карп. Я пожегся под его взглядом – так же глядит на меня Маргаритка, когда снимает очки. Набравшись храбрости, я объявил рыбине:

– Слушай, Маргаритка, что-то не клеится у нас с тобой. Наверное, нам не стоит больше встречаться.

– Ты с другой женщиной? – упавшим голосом спросила она.

Я честно ответил, что со мной три женщины и двое мужчин.

– Три пары! – всхлипнула Маргаритка.

– Ну пожалуйста, не плачь.

– Весь вечер я трудилась над кукольным лофтом. Хотела подарить тебе на Рождество.

Я лихорадочно соображал, как прекратить этот разговор. Фраза «у меня стынет еда» казалась бессердечной. Пришлось выслушать длинную сводку всех ее прошлых неудач с мужчинами. Карп в аквариуме не сводил с меня скорбного взгляда. В стекле я видел свое отражение – тоже скорбное.

Наконец Маргаритка повесила трубку, произнеся напоследок все тем же убитым тоном, от которого у меня мурашки побежали по спине:

– Без тебя жизнь не имеет смысла.

Рыбина опустилась на дно аквариума и замерла.

Я вернулся к столу. Кит Вонг уже принес утку с ананасами, я сунул в рот кусочек, но ощутил лишь вкус опилок.

Выпив одну за другой четыре чашечки саке, я поведал друзьям о Маргаритке. Все пришли к единому мнению: с Маргариткой нужно порвать.

– Не обижайся, Ади, – сказал Уэйн Вонг, – но ты можешь найти кого-нибудь получше. У нее всегда жутко постный вид, правда ведь?

– Похоже, она из тех плаксивых девиц, из-за которых у женщин такая дурная слава, – вынесла вердикт Пандора.

– Но с другой стороны, только полоумная способна влюбиться в Адриана, – съязвил Найджел.

– Найджел, ты забыл, что я сама когда-то была влюблена в Адриана, – напомнила Пандора. Она сжала мою руку. – Нам было четырнадцать. Мы собирались поселиться в деревне и нарожать кучу детишек. Адриан намеревался продавать мороженое, а я – доить коров, печь хлеб и каждый день ждать его с работы.

Внезапно мы оба заплакали.

– Это все чертово рисовое вино, – пожаловалась Пандора. – Оно всегда на меня так действует.

Конец веселью положил Найджел, заявив, что ему завтра рано вставать, поскольку утром придет женщина из Королевского института помощи слепым, чтобы провести собеседование на предмет, можно ли подпускать его к собаке-поводырю.

Мусульманин Парвез оказался единственным более-менее трезвым человеком, способным сесть за руль. Побросав машины у ресторана, мы втиснулись в автомобиль Парвеза, и я пригласил всю компанию на Крысиную верфь выпить по последней.

Сэр Гилгуд поджидал нас на стоянке, но я отогнал его световой саблей из «Звездных войн», которую забыл в машине Али, младший сын Парвеза.

Включив свет, я приготовил кофе и предупредил гостей о стеклянном туалете. Все вывалились на балкон, и Пандора восхитилась чудесной картинкой – лебеди, облитые лунным светом. Только бы сэр Гилгуд не испортил нам вечер, думал я.

Воскресенье, 24 ноября

Парвез развез по домам всех, кроме Пандоры. Мы болтали до самого рассвета. Пандора жаловалась, что у нее завал с работой, документов столько, что на жизнь просто не остается времени, да еще репортеры, которые под микроскопом изучают каждое ее слово. И вообще она «под колпаком». Все ее телефоны наверняка прослушиваются, поэтому так приятно разговаривать со старым и преданным другом – свободно, не выбирая выражений.

– Надо было нам уехать в деревню, Пандора, – сказал я.

Она рассмеялась:

– Какая жалость, что у нас сексуальная несовместимость.

Я возразил, что эта ее теория на практике никогда не проверялась. Но ни она, ни я даже не попытались приступить к практическим занятиям.

В 5 часов утра я вызвал такси и, когда снизу донесся гудок, проводил Пандору до машины.

А когда я укладывался на футон, тренькнул мобильник: СМСка от Пандоры.

Спасибо, Ади. Я тебя все-таки люблю. Пан.

В 7.30 утра мобильник зазвонил снова. Маргаритка сообщила, что написала мне письмо, в котором объясняет, почему она поступила так, как поступила. И отключилась. Я тут же перезвонил. Долго никто не подходил, пока наконец Майкл Крокус не снял трубку.

– Кто это? – проревел он.

Я назвал.

– Сейчас 7.35 утра, воскресенье. Что ты себе позволяешь! Понимаю, Маргаритка вскружила тебе голову, но надо же научиться обуздывать свою страсть. Приезжай сегодня обедать. Хочу кое-что тебе показать.

И я услышал свой голос:

– В котором часу?

Еда была мерзкая, не только дурно приготовленная и неряшливо сервированная, но в придачу постная и лишенная вкуса. Все это предлагалось запивать мутным домашним пивом, которое наливали из глиняного кувшина.

В камине, словно нехотя, разгорались поленья, нещадно дымя. В саду за окном чахла грядка подмерзшей капусты. На черенок воткнутой в землю лопаты опустилась малиновка – явно не сознавая, что стала живым штампом.

Маргаритка опухла от слез. Она то и дело промокала глаза ватным тампоном, пропитанным ромашковым чаем.

Нетта Крокус уговаривала меня помочь с организацией марша «Остановить войну», который она устраивает в Биби-на-Уолде. Предложила взять на себя обязанности распорядителя.

– Вряд ли вам понадобится много помощников, – сказал я. – И деревенской зелени ничего не угрожает. Уж не думаете ли вы, что соберете тысячные толпы?

Нетта обиженно сообщила, что получила письма поддержки из Литтл-Снеттона, Фрисби-на-Рике, Лонг-Ламптона, Шепшеда, Мелтон-Моубрея, Шората-под-Кертли и Барроу-твикст-Сор.

Я прервал это перечисление очагов гражданского неповиновения, заявив, что полностью разделяю политику мистера Блэра в отношении Саддама Хусейна и его оружия массового поражения.

После чего поинтересовался мнением Маргаритки насчет возможной войны в Ираке. Она опустила взгляд на тарелку с разваренными корнеплодами:

– По-моему, война – это неправильно. Почему люди не могут относиться друг к другу по-доброму?

Может, она зомбирована?

После обеда я вызвался вымыть посуду. К моему раздражению, Нетта Крокус обрадовалась:

– Здорово. Чистые посудные полотенца сушатся на плите.

Выходит, мне предстояло не только посуду мыть, но еще и вытирать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.